Пр 870

НА ПУТИ КЪ „ТРЕТЬЕЙ“ РОССІИ.

„За Родину и Свободу“

323.2(47)„1917

Б. В. Савинковъ.

336247/8

Сборникъ статей Б. В. САВИНКОВА съ предисловіемъ и краткой біографіей автора.

С.ф. №686

ВАРШАВА
1920.

Изданіе Русскаго Политическаго
Комитета въ Польшѣ.

„Литерацка“ типографія, Варшава, Новый-Свѣтъ 22.

Три года уже бушуетъ большевистское море. Три года уже господствуетъ въ Россіи кровавая власть захватчиковъ и насильниковъ. Подъ ударами коммунистическихъ опытовъ надъ Россіей въ тяжкихъ судорогахъ корчится русскій народъ.

То тутъ, то тамъ на необъятной шири нашего отечества вспыхиваютъ попытки сверженія ненавистной, чуждой нашему народу власти. Загораются возстанія противъ ига красныхъ палачей.

Мало того, организуются широкія народныя движенія противъ большевистской власти, создаются цѣлыя громадныя арміи, которыя ведутъ упорную борьбу съ поработителями, тиранами Россіи.

Противъ большевиковъ боролись арміи адмирала Колчака, генерала Деникина и генерала Юденича; сейчасъ ведетъ съ большевиками борьбу не на жизнь, а на смерть генералъ Врангель.

Здѣсь, въ Польшѣ, организуетъ русскія вооруженныя силы для борьбы съ большевиками извѣстный борецъ за свободу Б. В. Савинковъ.

Неуспѣхъ первыхъ трехъ армій въ значительной степени объясняется тѣмъ, что какъ Колчакъ, такъ и Деникинъ, а отчасти и Юденичъ, въ борьбѣ съ большевизмомъ стремились къ возстановленію стараго, отжившаго строя, совершенно не считаясь съ фактомъ революціи и съ уроками исторіи. Поэтому ихъ великое дѣло освобожденія Россіи отъ красной нечисти не встрѣтило поддержки въ широкихъ народныхъ кругахъ, безъ которыхъ Россіи не возродить.

Генералъ Врангель старается отчасти исправить ошибки своихъ предшественниковъ и прислушивается къ народнымъ требованіямъ, доказательствомъ чего является опубликованный имъ земельный законъ, по которому земля переходитъ въ собственность крестьянъ.

Но чтобы добиться полнаго успѣха, борьба съ большевизмомъ должна всецѣло опираться на широкія народныя массы, на многочисленное крестьянство, которое составляетъ подлинную Россію. Стараго не воротишь. Земля должна быть закрѣплена за крестьянствомъ. Народу должны быть даны свободы, завоеванныя февральской революціей. Спасеніе Россіи—въ демократіи, въ созданіи новыхъ формъ, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ жизни. Царская Россія погибла безвозвратно, она не можетъ воскреснуть. Погибнетъ и большевистская Россія; ея не должно быть. Будетъ новая „Третья“ Россія, Россія демократическая, крестьянская, свободная, никого не насилующая и живущая въ дружбѣ съ народами.

Борцомъ за эту „Третью“ Россію является Б. В. Савинковъ.

Какой должна быть эта новая Россія, какова будетъ ея программа, обо всемъ этомъ мы можемъ узнать изъ статей Б. В. Савинкова, въ разное время помѣщенныхъ въ газетѣ „Свобода“.

Чтобы дать болѣе или менѣе ясное представленіе объ этой программѣ, выпускаемъ статьи Б. В. Савинкова отдѣльнымъ изданіемъ, предпославъ ему краткую біографію борца за Родину и Свободу, за „Третью“ Россію.

Б. В. Савинковъ.

Имя Бориса Викторовича Савинкова извѣстно всей Россіи.

Испытанный борецъ за свободу, какъ въ дни царскаго произвола, такъ и въ смутное время большевистскаго гнета, стойкій защитникъ правъ русскаго крестьянства и горячій русскій патріотъ, всю свою жизнь посвятивш служенію Россіи, Б. В. Савинковъ пользуется большой популярностью не только въ широкихъ русскихъ народныхъ кругахъ, но и заграницей.

Съ юношескихъ лѣтъ его жизнь представляетъ почти безпрерывную, полную опасностей и самопожертвованія борьбу за свободу для русскаго народа, забитаго, загнаннаго, темнаго при царскомъ строѣ, обманутаго, одураченнаго, отравленнаго ядомъ большевистской заразы подъ игомъ комиссародержавія.

Б. В. Савинковъ родился въ Харьковѣ въ 1879 году. Отецъ его былъ мировымъ судьей въ Варшавѣ и пользовался необыкновенной популярностью среди населенія. Образованіе получилъ въ 1-ой Варшавской мужской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Петроградскій университетъ.

На первомъ же курсѣ его арестовали по политическому дѣлу и заключили въ Варшавскую цитадель, но за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ для обвиненія вскорѣ освободили. Однако краткое пребываніе въ крѣпости, въ атмосферѣ насилій и издѣвательствъ, оставило глубокій

слѣдъ въ душѣ впечатлительнаго юноши. Онъ на себѣ самомъ испыталъ всю силу гнета, безправія, произвола и неволи, въ которыхъ томился русскій народъ, и рѣшилъ вступить въ борьбу за свободу и право, противъ насилія и беззаконія.

Черезъ нѣкоторое время онъ былъ вторично арестованъ и высланъ въ Вологду. Бѣжавъ изъ Вологды, онъ примкнулъ къ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, и сразу, благодаря своимъ организаторскимъ способностямъ, занялъ выдающееся положеніе. Съ этого времени начинается его кипучая дѣятельность въ партіи. Онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ царскаго режима. При его ближайшемъ участіи организуется цѣлый рядъ террористическихъ актовъ противъ слугъ этого режима.

15-го Іюля 1904 года, вмѣстѣ съ Сазоновымъ, онъ организуетъ убійство одного изъ наиболѣе черносотенныхъ царскихъ министровъ Плеве. Лишь счастливый случай позволилъ ему уйти невредимымъ съ мѣста взрыва.

Усердно искала охранка и жандармы Б. В. Савинкова, но онъ былъ неуловимъ, и лишь въ 1906 году его выдалъ въ Севастополѣ извѣстный провокаторъ Азефъ. Б. В. Савинкова судили военно-полевымъ судомъ и приговорили къ повѣшенію. Но за нѣсколько дней до казни караульный начальникъ унтеръ-офицеръ Сулятицкій устроилъ ему побѣгъ; Савинковъ на лодкѣ ушелъ по морю въ Румынію, а оттуда въ Парижъ. Изъ Парижа онъ снова вернулся въ Россію и продолжалъ свою боевую дѣятельность до 1911 года. Съ 1911 года онъ жилъ эмигрантомъ.

Въ эмиграціи онъ занялся, главнымъ образомъ, литературой и написалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ развивалъ идею борьбы за свободу.

Будучи виднымъ революціоннымъ борцомъ, Б. В. Савинковъ занималъ, однако, въ партіи эсъ-эровъ обособленное положеніе. Среди соціалистовъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія стали усиленно развиваться интернаціональныя устремленія, противъ чего рѣшительно возставалъ Б. В. Савинковъ. Онъ никогда не ле-

реставалъ быть горячимъ русскимъ патріотомъ и всегда стоялъ за могучую, великую Россію.

Это не особенно нравилось соціалистамъ-интернаціоналистамъ, однако его терпѣли въ партіи за недюжинныя организаторскія способности. Большое возмущеніе вызвалъ въ соціалистическихъ кругахъ его романъ „Конь блѣдный". Это возмущеніе еще усилилось послѣ второго романа „То, чего не было". Въ немъ онъ вывелъ въ яркихъ краскахъ всю гниль и грязь подполья, оторваннаго отъ народа, далекаго отъ пониманія задачъ и нуждъ народныхъ, но самоувѣреннаго, самовлюбленнаго и вѣрящаго въ свою высокую миссію.

Когда началась міровая война, Б. В. Савинковъ опубликовалъ во французскихъ газетахъ свое нашумѣвшее письмо, въ которомъ доказывалъ, что во время войны нельзя дѣлать революціи, что нужно всѣмъ сплотиться для отпора внѣшней опасности, и призывалъ всѣхъ русскихъ забыть всѣ обиды отъ царскаго правительства и выступить противъ нѣмцевъ на защиту своей Родины.

Письмо это произвело прекрасное впечатлѣніе на французское общественное мнѣніе, зато вызвало негодованіе среди соціалистовъ, такъ называемыхъ пораженцевъ, т. е. тѣхъ, которые для осуществленія своихъ цѣлей желали пораженія Россіи.

Послѣ февральской революціи Б. В. Савинковъ вернулся въ Россію и вскорѣ занялъ постъ комиссара Временнаго Правительства сначала при 7-ой арміи, а затѣмъ Юго-Западнаго фронта. Тутъ ему пришлось начать борьбу съ разрушителями русской арміи — большевиками, прилагать всѣ усилія, чтобы не допустить до развала фронта.

На этомъ посту Б. В. Савинковъ быстро выдвинулся. Онъ былъ ближайшимъ помощникомъ незабвеннаго Л. Г. Корнилова въ начавшемся было лѣтомъ 1917 года дѣлѣ оздоровленія русской арміи. Оба они прекрасно понимали, что только желѣзная дисциплина, а не уговариваніе можетъ спасти русскую армію отъ полнаго разложенія, но керенщина слишкомъ ужъ глубоко пустила корни, но большевизмъ слишкомъ ужъ развился при ней, чтобы можно было спасти положеніе.

Во время памятнаго выступленія генерала Корнилова, когда Б. В. Савинковъ занималъ постъ военнаго министра, онъ старался примирить Керенскаго съ генераломъ Корниловымъ, но встрѣтилъ рѣшительное упорство со стороны Керенскаго.

Послѣ большевистскаго переворота Б. В. Савинковъ, какъ членъ Совѣта Союза Казачьихъ Войскъ, пробрался на Донъ. Среди казачества Б. В. Савинковъ пользовался большой популярностью и былъ принятъ въ казаки станицы Пашковской Кубанской области.

Творецъ Добровольческой арміи генералъ М. В. Алексѣевъ послалъ его въ Москву со спеціальнымъ порученіемъ. Тамъ Б. В. Савинковъ организовалъ тайное общество „Союзъ Защиты Родины и Свободы", который организовалъ въ рядѣ городовъ, между прочимъ въ Ярославлѣ, возстанія противъ большевистской власти.

Стремясь къ объединенію всѣхъ партій и группъ противъ большевиковъ и нѣмцевъ, Б. В. Савинковъ вмѣстѣ съ другими видными дѣятелями организовалъ Національный Центръ, который принялся подготовлять свержение совѣтской власти.

Но чрезвычайка не дремала. Заговоръ былъ раскрытъ. Многіе члены организаціи были арестованы и разстрѣляны. Видя неудачу, Б. В. Савинковъ уѣхалъ изъ Совдепіи черезъ Сибирь заграницу, а оттуда въ началѣ этого года прибылъ въ Варшаву, чтобы здѣсь, вмѣстѣ съ братской польской арміей, выступить на борьбу противъ страшныхъ тирановъ - большевиковъ.

Подъ его руководствомъ создаются въ Польшѣ русскія вооруженныя силы, въ задачу которыхъ входитъ борьба „За родину и свободу", за тотъ великій лозунгъ, которому всегда служилъ и служитъ Б. В. Савинковъ.

Создается ядро арміи, которой выпадаетъ честь стать творцомъ и опорой „третьей", демократической, свободной, крестьянской Россіи.

С. М.

На пути къ „Третьей Россіи".

Чего мы хотимъ.

Въ заграничномъ общественномъ мнѣніи существуетъ убѣжденіе, что современная Россія дѣлится на два рѣзко противоположныхъ лагеря и что этими двумя лагерями исчерпываются всѣ живыя силы страны. Первый лагерь — „красные", большевики, стремящіеся ко всемірной революціи и т. п. большевизанты, проповѣдующіе прекращеніе гражданской войны, иными словами проповѣдующіе капитуляцію передъ большевизмомъ.

Второй лагерь—„бѣлые" „реставраторы" и „вандейцы", т. е. всѣ, кто съ оружіемъ въ рукахъ боролись подъ начальствомъ Колчака, Деникина и Юденича.

Убѣжденіе это ошибочно. Даже не говоря о томъ, что въ средѣ большевиковъ есть очень много людей, служащихъ совѣтской власти по принужденію и по существу ничего общаго не имѣющихъ съ Троцкимъ, Ленинымъ и Зиновьевымъ, и что среди „бѣлыхъ" было и есть тоже очень много людей, боровшихся и борющихся не за реставрацію и самодержавіе, а за отечество, — Россія ни въ коемъ случаѣ не исчерпывается этими двумя враждующими лагерями. Огромное большинство Россіи — крестьяне, будущая Россія—крестьянская демократія. Крестьяне же, въ своей массѣ, такъ же противъ „красныхъ" реквизицій, „красныхъ" наборовъ и „красныхъ" разстрѣловъ. Они не желаютъ и „бѣлыхъ" реквизицій, „бѣлыхъ" наборовъ, „бѣлаго" хозяйничанья въ тылу. Не очевидно ли поэтому, что пока вооруженная борьба съ большевиками не будетъ опираться на

крестьянскія массы, иными словами, пока патріотическая армія не поставитъ себѣ цѣлью защиту интересовъ крестьянской демократіи и только ея, большевизмъ не можетъ быть побѣжденъ въ Россіи.

Нужно понять, что старый строй рухнулъ. Не Романовы только, а именно старый, помѣщичій и сословный строй. Нужно понять, что Россія можетъ возродиться лишь на началахъ равенства и свободы.

Соціальный смыслъ Русской революціи заключается прежде всего въ переходѣ всей земли къ народу. Крестьянинъ въ революціонномъ порядкѣ завладѣлъ землей. Это было справедливо и исторически неизбѣжно. Нынѣ надлежитъ закрѣпить землю за крестьяниномъ по закону. Надлежитъ защитить крестьянскіе интересы такъ, чтобы каждый крестьянинъ зналъ, что земля его собственность, что помѣщики не вернутся, что „красные“ не отнимутъ у него урожая, а „бѣлые“ не истопчутъ его полей. Отсюда — законъ, порядокъ, земля народу.

Политическій смыслъ русской революціи заключается не только въ томъ, что пало самодержавіе. Онъ заключается въ утвержденіи принципа самоопредѣленія народовъ во всей его полнотѣ. Отдѣлившіеся нынѣ отъ Россіи народы, образовавшіе новыя государства, имѣютъ неоспоримое право на самостоятельное политическое бытіе. Не силою оружія, а лишь по добровольному соглашенію можетъ произойти соединеніе этихъ народовъ съ будущей Россіей черезъ Учредительныя Собранія свои и Учредительное Собраніе Русское. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что экономическіе и политическіе интересы и Россіи и этихъ государствъ, а также ихъ взаимная и культурная связь, настойчиво потребуютъ такого соглашенія, когда въ Россіи прекратится власть большевиковъ, и Россія устроится, какъ великая крестьянская демократія.

Только тѣмъ же принципомъ самоопредѣленія народовъ можетъ быть разрѣшенъ „споръ славянъ между собою“ — споры Россіи и Польши. Пока Россія и Польша не откажутся отъ того, что они завоевали мечомъ, отъ границъ 1914 и границъ 1772 г. г., и пока всѣ спорныя области не будутъ подвергнуты честному плебисци-

ту, до тѣхъ поръ не будетъ обезпеченъ европейскій миръ, до тѣхъ поръ не будетъ достигнуто славянское единеніе, до тѣхъ поръ ни Польша не будетъ сильною, ни Россія истинно свободной, т. е. не насилуемой и не насилующей. Отсюда — Россія, Союзъ Народовъ, Учредительное Собраніе.

Чтобы глубокій соціальный и политическій смыслъ русской революціи, затемненный нынѣ тираніей большевиковъ и безумiемъ реакціонныхъ элементовъ, вскрылся съ исчерпывающей полнотой и воплотился, наконецъ, въ жизнь, необходимо, во-первыхъ, съ оружіемъ въ рукахъ свергнуть совѣтскую власть, и во-вторыхъ — обуздать реакціонныя вожделѣнія. Вѣковой врагъ славянъ — нѣмцы. Въ теченіе трехъ лѣтъ русская кровь потоками лилась въ войнѣ съ Германіей, во имя Россіи, для спасенія Польши, для торжества европейскихъ демократій Франціи, Великобританіи, Италіи. Плодами побѣды воспользовались не мы. Надлежитъ избѣгнуть господства надъ нами нѣмцевъ, тѣхъ нѣмецкихъ неистовыхъ шовинистовъ, которые рука объ руку съ частью русской эмиграціи, съ русскимъ „Кобленцомъ“ подготавливаютъ реставрацію въ Россіи, т. е. зависимость Москвы отъ Берлина. Отсюда — вѣрность союзному долгу.

Въ Россіи пылаютъ русскіе села и города. Въ Россіи русскія пули убиваютъ русскихъ людей. Въ Россіи чрезвычайки замѣнили охранку, разстрѣлы замѣнили висѣлицу. Въ Россіи кровь, голодъ, разореніе, война. Вооруженная борьба съ большевизмомъ не должна быть борьбою во имя сословія или привиллегій. Вооруженная борьба съ большевизмомъ должна быть борьбой за миръ, за мирный трудъ, за успокоеніе, за равенство, за поруганное отечество — за Родину и Свободу.

О борьбѣ съ большевиками.

Часть русскаго общественнаго мнѣнія, и въ особенности часть соціалистовъ-революціонеровъ, послѣ почти трехъ лѣтъ междуусобной войны, пришла къ убѣжденію, что большевиковъ побѣдить нельзя, что вооруженная борьба съ ними безплодна и что не остается другого выхода, какъ сложить праздно руки и ждать, когда въ Россіи произойдетъ „внутренній взрывъ". Другая часть русскаго общественнаго мнѣнія, и въ особенности часть монархистовъ, продолжаетъ, несмотря на опытъ Колчака, Деникина и Юденича, утверждать, что стоитъ только сформировать достаточно многочисленную армію, дать ей опытное командованіе, хорошо ее снабдить и ввести желѣзную дисциплину, и Москва будетъ взята въ кратчайшій срокъ.

Ни та и другая точки зрѣнія не выдерживаютъ критики. Соціалисты-революціонеры не правы. Во-первыхъ, какъ бы ни выросла красная армія въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ какія бы побѣды она ни одержала надъ русскими и польскими войсками, каждый, кто знакомъ съ тѣмъ, что происходитъ въ Совдепіи, знаетъ доподлинно, что красные офицеры и солдаты въ огромномъ своемъ большинствѣ—не большевики, что транспортъ большевистскій разстроенъ, что большевистскіе тылы не организованы и что населеніе Россіи почти поголовно противъ большевиковъ. Отсюда ясно, что болѣе, чѣмъ неразумно говорить о непобѣдимости Буденнаго или Тухачевскаго.

Во-вторыхъ, возлагать свои надежды на „внутренній взрывъ" не значит ли утѣшаться самообманомъ? Кто этотъ „внутренній взрывъ" устроитъ? Красные солдаты? Но они скованы дисциплиной и, кромѣ того, они единственные одѣтые, обутые и сытые люди въ Россіи. Красные офицеры? Но ихъ немного и за каждымъ изъ нихъ слѣдитъ Чрезвычайка. Городскіе рабочіе? Но городскіе рабочіе частью разбрелись по деревнѣ, частью деморализованы голодомъ, частью поддерживаютъ коммунистовъ. Интел-

интенція? Но она недостаточно многочисленна и тоже демореализована голодомъ и разстрѣлами. Остается крестьянство, т. е. огромная масса хлѣбопашцевъ, т. е. истинная Россія. Да, разумѣется, именно крестьянству и именно во имя своихъ собственныхъ интересовъ суждено свергнуть большевиковъ и возстановить порядокъ въ Россіи. Но какъ организовать крестьянство? Какъ его вооружить? Какъ двинуть его на Москву?

Достаточно ли для этого сформировать армію Колчака, Деникина или Юденича? Достаточно ли для этого объявить мобилизацію въ волостяхъ, разстрѣливать дезертировъ, построить армію на подобіе старой, Романовской арміи, съ гвардейскими привиллегированными частями? Разумѣется, нѣтъ. Разумѣется, до очевидности ясно, что можно насильно людей загнать въ строй, но невозможно насильно завоевать довѣріе. А вѣдь не силой оружія, а только довѣріемъ населенія, довѣріемъ крестьянства, можно побѣдить большевиковъ. Основная, рѣшающая ошибка Колчака, Деникина, Юденича состояла именно въ томъ, что и Колчакъ, и Деникинъ, и Юденичъ — доблестные вожди — не уразумѣли того, что идею нельзя побѣдить пятыками, что идеѣ нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную изъ книгъ и не взращенную на традиціяхъ Карамзина, а живую, жизненную, понятую каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу. И Колчакъ, и Деникинъ, и Юденичъ были склонны приписывать свои неудачи тому, что „измѣнили“ кубанцы или дрогнула такая-то часть или не подошли такіе-то ожидавшіеся резервы. Но вѣдь и Буденному и Тухачевскому „измѣняютъ“ кубанцы и не только кубанцы, но и донцы, и оренбурцы, и горцы, но вѣдь и у Буденнаго и Тухачевскаго не разъ отступали въ паникѣ части и не разъ во время не подходили резервы. А Буденный и Тухачевскій били и Юденича, и Колчака, и Деникина Очевидно, вопросъ не только въ арміи. Очевидно, если соціалисты-революціонеры не правы, то въ такой же мѣрѣ не правы и монархисты. Одни опускаютъ въ изнеможеніи руки, другіе бьютъ объ стѣнку головой, думая, что лбомъ можно ее прошибить. И никто, ни тѣ, ни другіе, не желаютъ понять, что нельзя

вести войны противъ большевиковъ, но что можно и должно дѣлать антибольшевистскую революцію.

Для того же, чтобы дѣлать антибольшевистскую революцію и чтобы дѣлать ее съ надеждою на успѣхъ, необходимо соблюденіе нѣкоторыхъ революціонныхъ правилъ. Во-первыхъ, нужно понять, что никакое и ни при какихъ обстоятельствахъ соглашеніе съ большевиками невозможно. Во-вторыхъ, нужно понять, что большевистской идеѣ интернаціональной диктатуры пролетаріата нужно противопоставить безоговорочно и до конца выявленную идею отечества и не буржуазной, а крестьянской демократіи. Въ третьихъ, нужно понять, что идею эту недостаточно выявить въ прокламаціи или въ программной статьѣ, но что необходимо сумѣть провести ее въ жизнь, непосредственно общаясь съ народомъ. Въ-четвертыхъ, нужно понять, что организовать и вооружить крестьянъ возможно лишь съ помощью организованной вооруженной силы, т. е. арміи. Наконецъ, въ-пятыхъ, нужно понять, что армія эта, сообразно съ преслѣдуемыми задачами, не должна быть арміей по царскому образцу, а должна быть арміей, близкой къ крестьянству, т. е. не гвардейской, безъ безчисленныхъ штабовъ, тыловъ и контръ-развѣдокъ, однако спаянной военною дисциплиною и проникнутой единымъ воинскимъ духомъ.

Только памятуя объ этихъ пяти революціонныхъ заповѣдяхъ, антибольшевистскія вооруженныя силы смогутъ объединить крестьянство и его неорганизованнымъ возстаніямъ придать организованный и планомѣрный характеръ. Въ Москву придутъ не англичане, не чехи, не французы, не Деникины, не регулярная армія, въ Москву придутъ поднявшіеся крестьяне, руководимые идейными добровольцами, не тѣми, кто разстрѣливаетъ, грабитъ и мечтаетъ о царѣ и своихъ усадьбахъ, а тѣми, кто служитъ Россіи, кто служитъ крестьянству и съ оружіемъ въ рукахъ защищаетъ крестьянина и принадлежащую ему землю, отъ „лихихъ людей“, отъ большевиковъ.

Возсозданіе Россіи.

По вопросу о возсозданіи Россіи еще недавно могло быть два мнѣнія. Первое заключалось въ томъ (его держались ген. Деникинъ, мин. Сазоновъ, отчасти адм. Колчакъ), что Россія должна возсоздаться единственно великорусскими и казачьими силами. Русская армія должна была разбить большевиковъ, придти въ Москву и изъ Москвы продиктовать свою волю народамъ, входившимъ въ составъ бывшей Россійской Имперіи и нынѣ отдѣлившимся отъ Россіи. Одни изъ державшихся этого мнѣнія полагали, что народамъ этимъ надлежитъ дать широкую автономію, Польшу же и Финляндію признать самостоятельными государствами. Другіе полагали, что для отдѣлившихся національныхъ образованій надлежитъ удовлетвориться широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, Польшу признать независимой, Финляндію же вернуть ко временамъ Александра II. Наконецъ, третьи считали, что нужно возвратить старое, возстановить губернаторовъ, и что Польши не существуетъ вовсе. Но и первые, и вторые и третьи, расходясь въ деталяхъ, были согласны въ главномъ: Россія — казаки и великороссы, остальные бывшіе граждане русскіе—не болѣе, какъ „инородцы“. Не имъ рѣшать свою судьбу, а Москвѣ. Москва можетъ дать и не дать. Мы, великороссы, можемъ миловать и казнить, „инородцамъ“ же остается терпѣливо ждать, помилуемъ ли мы ихъ или казнимъ. Въ этой концепціи скрывалось глубокое непониманіе историческаго смысла русской революціи. Не скрывалась ли въ ней также одна изъ причинъ пораженія ген. Деникина и адм. Колчака? И если бы мы неуклонно слѣдовали этой старозавѣтной дорогой, не пришлось ли бы намъ, въ случаѣ побѣды надъ большевиками, воевать съ цѣлымъ міромъ?

Другое, противоположное, мнѣніе заключалось въ томъ, что одно изъ несспоримыхъ и неизбѣжныхъ послѣдствій русской революціи состоитъ въ утвержденіи права само-

опредѣленія народовъ во всей его полнотѣ — въ свободѣ каждаго распоряжаться своей судьбой. Люди, державшіеся втого мнѣнія, полагали, что всѣ споры о независимости Финляндіи, а тѣмъ болѣе Польши—непристойны; что разногласія по вопросу о Холмщинѣ — праздны; что разговоры объ „унизительности въ спорныхъ областяхъ плебисцита" — просто-на-просто не умны; что каждый народъ волент выдѣлиться въ самостоятельное государство; что силой оружія никого нельзя убѣдить ни въ чемъ; что невозможно возстановить только Русь; что борьба съ большевиками можетъ быть успѣшной лишь при непремѣнномъ условіи противопоставленія идеѣ диктатуры пролетаріата идеи свободы; что Польша, Финляндія, Латвія, Эстонія и другія независимыя нынѣ государства — не враги демократіи русской, а союзники и друзья; что только общими усиліями искоренимо всемірное зло—большевизмъ.

Понадобилось почти три года междоусобной войны, понадобилось пораженіе адм. Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича, чтобы слѣпые, наконецъ, прозрѣли. Теперь уже и слѣпому ясно, что хотимъ мы этого или нѣтъ, дурно это или хорошо, но Россія одними великорусскими и казачьими силами возсоздаться не можетъ. Теперь стало ясно, что централизованная, т. е. реставрированная, Россія—несуществимая мечта немногихъ безумцевъ. Теперь ясно, что собираніе Россіи пойдетъ не изъ Москвы, а съ окраинъ, и что соберется Россія не оружіемъ, а свободной волей тѣхъ государствъ, которыхъ политическіе, экономическіе и культурные интересы толкаютъ къ Москвѣ. Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что вторая концепція, утверждавшая право самоопредѣленія народовъ, была единственно разумной, единственно дававшей возможность побѣды надъ разбушевавшимся большевизмомъ. Кромѣ того, вторая концепція была и единственно справедливой.

Лично для меня это никогда не подлежало сомнѣнію. И какъ бы ни были тяжки годы междоусобной войны, какъ много крови ни пролилось бы съ обѣихъ сторонъ, какъ много жертвъ не приносилось бы всѣми нами, можно и должно сказать, что эта кровь и эти жертвы не безполез-

ны. Въ мукахъ рождается новая Россія — Россія не царская и не большевистская. Рождается Россія демократическая, Россія крестьянская, не поработительница и не порабощенная, рождается великій союзъ свободныхъ народовъ, свободно объединенныхъ вокругъ свободной и сильной Москвы. И кто не видитъ этого до сихъ поръ, тотъ даже не слѣпой, а мертвецъ.

О людяхъ „Третьей" Россіи.

Что такое „третья" Россія? Исчерпывается ли она тѣмъ, что люди, служащіе ей, одинаково чужды и реставраціи и большевизму, или въ это новое слово должна быть влита и новая, положительная, не подлежащая кривотолкамъ сущность? Всякій ли, кто научился говорить о самоопредѣленіи народовъ, о демократической арміи, о крестьянской собственности на землю и объ Учредительномъ Собраніи, является служителемъ „третьей" Россіи? Научиться произносить такія рѣчи легко. Труднѣе понять ихъ значеніе. Еще труднѣе умѣть воплотить ихъ въ жизнь.

Генералъ, говорящій о „третьей" Россіи и протестующій противъ профессіональныхъ союзовъ, потому что профессіональные союзы „устраиваютъ забастовки", возбуждаетъ, разумѣется, только смѣхъ. Офицеръ, говорящій о демократической арміи и въ то же время поющій „Боже Царя храни", возбуждаетъ уже не смѣхъ, а горькое сожалѣніе. Бывшій помѣщикъ, говорящій о „правѣ крестьянъ на землю" и тутъ же дѣлающій рядъ оговорокъ о „лѣсныхъ и иныхъ угодьяхъ", возбуждаетъ уже не жалость, а гнѣвъ и негодованіе. Дипломатъ, говорящій о самоопредѣленіи народовъ и называющій финляндцевъ чухонцами, а украинцевъ хохлами, возбуждаетъ даже не гнѣвъ, а презрѣніе. Сколько масокъ, сколько тупости, сколько дешеваго лицемѣрія... Подъ флагомъ „третьей" Россіи провозится контрабандой товаръ Бѣловѣжской

Пущи. Зубры одѣваются въ европейское платье и, обманывая себя, надѣются обмануть другихъ.

Но и партійный „товарищъ“, разумѣющій подъ демократической арміей митинги, комитеты и отсутствіе дисциплины, такъ же мало служитъ „третьей“ Россіи, какъ и перелицованный по новѣйшей модѣ, обомшѣлый и допотопный зубръ. Но и молодой человѣкъ, разумѣющій подъ самоопредѣленіемъ народовъ право рязанцевъ или нижегородцевъ отдѣлиться отъ родины и, учредивъ свое собственное правительство, завести для него свои собственные автомобили, тоже, конечно, не другъ, а врагъ. Но и „отвѣтственный агитаторъ“, изнуряющій слушателей крестьянъ безконечными разговорами о „соціализаціи“ и „муниципализаціи“, такъ же далекъ отъ народа, какъ и офицеръ, поющій „Боже Царя храни“. Но и „истинный демократъ“, во имя принциповъ демократіи проповѣдующій миръ съ Бронштейномъ-Троцкимъ, такъ же душевно тупъ, какъ и генералъ-упраздните профессіональныхъ союзовъ.

„Третья“ Россія построится на мелкой крестьянской собственности и на союзѣ народовъ. Въ какую форму выльется ея построеніе, рѣшитъ не заготовленное заранѣе правительство, изъ кого бы правительство это ни состояло, а только Учредительное Собраніе, точнѣе Учредительныя Собранія, ибо того, чего захочетъ Москва, быть можетъ, не пожелаетъ Кіевъ, и того, чего захочетъ Кіевъ, быть можетъ, не пожелаетъ Тифлисъ. Но, повторяю, недостаточно усвоить себѣ эту формулу. Необходимо умѣть воплотить ее въ жизнь.

Еще Пушкинъ сказалъ: „Мы глупы, злы, неблагодарны“. Для того, чтобы не разрушать, а строить, нуженъ умъ, нужно отпущеніе грѣховъ, нужна признательность ко всѣмъ строителямъ, ко всѣмъ архитекторамъ жизни. Бравый деникинскій партизанъ грабитель не строилъ „третьей“ Россіи. Тыловой спекулянтъ разрушалъ ее. И не строятъ, а разрушаютъ тѣ, кто личное самолюбіе ставитъ выше родной страны, тѣ, кто, произнося демократическія слова, сохранили всѣ навыки и обычаи прошлаго.

Не строятъ, а разрушаютъ тѣ, которые, провозглашая единеніе, на самомъ дѣлѣ разъединяютъ и, не умѣя прощать грѣховъ, не замѣчаютъ бревна у себя въ глазу. Нетрудно написать какую угодно программу. Но какъ исполнить ее? Какъ исполнить ее, когда мы сами себѣ враги, когда у большевиковъ единая мысль и единая воля, а у насъ, патріотовъ,—ссоры и ненависть другъ къ другу, болѣе неистовая, чѣмъ къ погубившимъ Россію большевикамъ. Какъ исполнить ее, когда монархисты ненавидятъ тѣхъ, кто боролся съ царемъ, а соціалисты только себя считаютъ истинной демократіей и ненавидятъ и монархистовъ, и республиканцевъ, и всякого, кто не состоитъ въ одной изъ соціалистическихъ партій? Не большевики намъ страшны, намъ страшны наши раздоры. Намъ страшна психологія гвардейской касты и нетерпимость долговременнаго подполья. И подполье и каста живутъ своей мелкой подпольной или кастовой жизнью. Имъ чуждъ просторъ свободной, „третьей“ Россіи. Они говорятъ о ней, но они серьезно не любятъ ее. Въ глубинѣ души каста любитъ Россію парадовъ, дворянскихъ гнѣздъ и блестящихъ мундировъ. И въ глубинѣ души подполью близки сходки, партійные комитеты и параграфы партійныхъ программъ — та несчастная, ютившаяся по тюрьмамъ Россія, которая исчезла такъ же безповоротно, какъ и Россія Гатчинскаго или Павловскаго дворцовъ. Но Россіи новой ни подполье, ни каста не любятъ. Строить ее они не могутъ. Ее выстроятъ новые люди. Ее выстроитъ самъ народъ русскій — русскій свободный, владѣющій землей, разумный и трезвый крестьянинъ. Ее выстроитъ также тотъ, кто душою и тѣломъ будетъ съ этимъ строителемъ земли русской. А пыль строительская, та пыль, которая нынѣ слѣпитъ глаза, разметется мельчайшимъ прахомъ.

Земля — Народу.

На всемъ пространствѣ Россіи помѣщичьи земли захватнымъ, т. е. революціоннымъ путемъ перешли въ крестьянскую собственность. Онѣ перешли именно революціоннымъ путемъ, а революціонный путь означаетъ мечъ и огонь. Многіе помѣщики убиты, многія усадьбы сожжены. Сбылось пророчество: запылали „дворянскія гнѣзда". Значитъ ли это, что можно и должно возстановлять эти гнѣзда, и значитъ ли это, что крестьянской революціи нельзя было предотвратить?

Передъ освобожденіемъ крестьянъ, т. е. передъ 1863 годомъ, т. е. болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, были люди, которые предсказывали, что если крестьяне будутъ освобождены безъ земли, иными словами, если освобожденіе крестьянъ, знаменуя уничтоженіе крѣпостного права, не будетъ знаменовать также уничтоженія крупной помѣщичьей собственности, то революція въ Россіи станетъ черезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжной. Объ этомъ писалъ Чернышевскій, объ этомъ предупреждалъ Михайловъ. Но и Чернышевскій и Михайловъ достигли лишь одного: оба они „за превратныя толкованія" были сосланы царскимъ правительствомъ въ каторжныя работы. Но можно заключить человѣка въ каторжную тюрьму, и отъ этого предвидѣніе не перестанетъ быть предвидѣніемъ. Если бы царское правительство, вмѣсто того, чтобы карать за неугодныя ему мнѣнія, послушалось дальновидныхъ совѣтовъ, то въ 1917 г. Россію не постигли бы ужасы революціи, ибо земля была бы въ рукахъ не помѣщиковъ, а народа. Русскій крестьянинъ не виноватъ въ своей „тягѣ къ землѣ": эта тяга естественна и законна. И не крестьянская темнота повинна въ крестьянскомъ бунтѣ. Въ немъ повинна темнота царская и помѣщичья корысть. Надо разъ навсегда понять, что всякое обвиненіе народа въ революціонномъ, т. е. произвольномъ захватѣ земли — неразумно. Въ томъ, что земля перешла къ крестьянамъ не по закону, а от-

земъ и мечомъ, виновны правители и тѣ 130 тысячъ помѣщиковъ, на которыхъ, какъ на каменную гору, опирался царь Николай II-ой.

Прошлаго не вернешь. У многомилліоннаго народа не отнимешь его достоянія, какимъ бы путемъ онъ его ни пріобрѣлъ. Да и не надо пытаться отнять. Справедливость не въ томъ, чтобы у хлѣбопашца оружіемъ отнять пріобрѣтенную имъ землю, а въ томъ, чтобы вознаградить потерявшихъ ее по добросовѣстной и никому не обидной оцѣнкѣ. Соціальный смыслъ революціи россійской заключается въ уничтоженіи помѣщичьяго землевладѣнія и въ переходѣ земли къ народу. Россія изъ государства помѣщичьяго, т. е. насилующаго меньшинствомъ большинство, становится государствомъ крестьянскимъ, т. е. построеннымъ на равенствѣ и свободѣ. Государство, какъ таковое, т. е. Россія, отъ этого не только не проиграетъ, но, безъ сомнѣнія, выиграетъ много. Страны мелкаго крестьянскаго землевладѣнія доказали свою жизненность, свою силу, свою глубокую любовь къ порядку и государственному строительству. Если Франція побѣдила въ войнѣ и если нынѣ она является однимъ изъ наиболѣе устойчивыхъ въ антибольшевистскомъ смыслѣ государствъ въ мірѣ, то не только въ силу высокой культуры французовъ, но и, прежде всего, потому, что каждый французскій крестьянинъ владѣетъ собственнымъ участкомъ земли, и что во Франціи нѣтъ крупнаго землевладѣнія. Россія, построенная на крестьянскомъ, а не на помѣщичьемъ фундаментѣ, Россія, въ которой крестьяне будутъ собственниками земли, Россія, въ которой не будетъ мужицкой нищеты и темноты, Россія съ паровыми плугами, шоссейными дорогами, телефонами, школами и внутреннимъ деревенскимъ богатствомъ и благоустройствомъ, будетъ, разумѣется, неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ Россія помѣщичья и царская, гдѣ баре веселились, а деревня голодала.

Не нужно забывать, что Россія—не помѣщики, не чиновники, не мы съ вами и даже не городскіе рабочіе, а прежде всего крестьянская неисчислимая масса. Эта крестьянская неисчислимая масса и есть подлинный русскій народъ, а мы всѣ остальные—чиновники, офицеры, ин-

теллигенты, мы не болѣе, какъ слуги его. Не свою, чиновничью, офицерскую или интеллигентную Россію должны мы пытаться строить, а пользуясь нашими знаніями и наученные опытомъ, мы должны служить по мѣрѣ нашихъ небольшихъ силъ крестьянину въ построеніи новой, крестьянской Россіи. Я уже сказалъ: я не только вѣрю, я знаю, что новая крестьянская Россія будетъ свободнѣе, сильнѣе и богаче, чѣмъ старая Россія, помѣщичья. Крестьянинъ вездѣ одинаковъ. Онъ по природѣ своей чуждъ большевизму и по природѣ своей за законъ и порядокъ.

Земля революціоннымъ путемъ перешла къ народу. Этотъ переходъ надлежитъ закрѣпить въ законномъ порядкѣ. Но есть законопроектъ и законопроектъ. Есть исполнитель и исполнитель. Деникинскій законопроектъ Билимовича въ принципѣ устанавливалъ право крестьянъ на землю, но согласно ему въ Калужской губ. къ крестьянамъ отходило всего на всего на всю губернію около 11 десятинъ помѣщичьей земли, а въ Тверской губ. — ни одной. Очевидно, что это насмѣшка, а не законопроектъ. Надо отчетливо, безъ оговорокъ, признать, что вся земля переходитъ къ народу. Только въ этомъ справедливое и государственно-мудрое рѣшеніе земельнаго вопроса. Я не касаюсь деталей — я не говорю напр. объ образцовыхъ хозяйствахъ или казачьихъ земляхъ. Я устанавливаю принципіальную точку зрѣнія: земля—народу, безъ изъятій, безъ канцелярскихъ уловокъ, безъ билимовичевскихъ помѣщичьихъ ухищреній. И далѣе: исполнителями должны быть не становые, не чиновники, не министры, не генералы. Исполнителями должны быть крестьяне, а въ казачьихъ республикахъ — крестьяне и казаки. Только сами крестьяне знаютъ, какъ добросовѣстно раздѣлить землю и гдѣ сохранить общину, а гдѣ передать ее въ собственность. Чѣмъ меньше центральная власть будетъ вмѣшиваться въ это узаконеніе революціонныхъ захватовъ, тѣмъ быстрѣе и тѣмъ безболѣзненнѣе войдетъ въ силу новый земельный законъ, и тѣмъ быстрѣе и тѣмъ безболѣзненнѣе построится Россійское Государство. Почти то же самое относится къ вознагражденію за отчужденныя земли. Ошибка Деникина состояла не въ томъ, что онъ издалъ

законъ о вознагражденіи, а въ томъ, что онъ далъ помѣщику право требовать третью, затѣмъ пятую и восьмую часть урожая, т. е. снова поставилъ лицомъ къ лицу враждующіе два класса — прежняго собственника и новаго. Крестьянинъ охотно заплатитъ за землю, это въ его интересахъ, ибо въ его интересахъ, чтобы его революціонный захватъ принялъ законныя формы. Но онъ заплатитъ не помѣщику, а Государству, и уже Государство разсчитается съ помѣщикомъ. Только при соблюденіи этихъ трехъ непремѣнныхъ условій, т. е. при безоговорочномъ признаніи за крестьянами права на землю, при предоставленіи самимъ крестьянамъ въ лицѣ выборныхъ сельскихъ органовъ права распредѣленія земель и, наконецъ, при уплатѣ вознагражденія не помѣщикамъ, а въ государственную казну, можно говорить о болѣе или менѣе правильномъ разрѣшеніи труднѣйшаго аграрнаго вопроса. А безъ его разрѣшенія невозможно разрѣшеніе вопроса о возсозданіи Россіи. Приходящія съ юга вѣсти, какъ будто, свидѣтельствуютъ о томъ, что правительство генерала Врангеля поняло это. Порадуемся этимъ вѣстямъ и окажемъ ему довѣріе.

Russia fara da se*).

Существуетъ мнѣніе, что всякая иностранная помощь русскимъ антибольшевистскимъ силамъ вредна для дѣла возрожденія Россіи. Это мнѣніе очень удобно для иностранцевъ. Оно удобно также для тѣхъ „патріотовъ“, которые свой весьма своеобразный патріотизмъ выявляютъ въ пропагандѣ прекращенія гражданской войны, т. е. пропагандѣ соглашательства съ большевизмомъ. Но если оно удобно, значитъ ли это, что оно справедливо?

Только ли русское явленіе большевизмъ? Мнѣ часто приходилось слышать, что въ Европѣ большевизмъ невоз-

---

*)Россія сама себя спасетъ.

моженъ, ибо русскіе — „дикари", а европейцы — цивилизованные люди. Но не „дикари", а цивилизованные люди, Энгельсъ и Марксъ, были авторами „Коммунистическаго манифеста". Но Дзержинскій—не русскій, Раковскій — не русскій, Садуль—не русскій, Бэла-Кунъ — не русскій, рабочіе, строившіе баррикады въ Анконѣ—не русскіе, рабочіе, отказавшіеся выгружать снаряды въ Данцигѣ — не русскіе, рабочіе, поднявшіе возстаніе въ Рурѣ — не русскіе, рабочіе волнующіеся на всей территоріи Соединеннаго Королевства—не русскіе. Неужели еще не ясно, что и въ Италіи, и въ Австріи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, и даже въ Америкѣ—на всемъ земномъ шарѣ—существуетъ подземный, еще не всегда видимый и уже всегда угрожающій большевизмъ? Неужели еще не ясно, что большевизмъ міровая опасность, и что Ленинъ и Троцкій — не просто сумасшедшіе люди, когда мечтаютъ о міровой революціи? Вѣдь еще вчера большевики были у воротъ Варшавы, а взятіе Варшавы знаменовало бы собой походъ Тухачевскаго — Троцкаго на западную Европу—до Парижа, до Лиссабона. Сегодня, слава Богу, большевики за Бугомъ. Измѣнилась ли отъ этого сокровенная сущность большевизма?

Эта сокровенная сущность сложнѣе и глубже, чѣмъ можетъ показаться неопытному или полублагосклонному глазу. Нѣтъ большевизма, есть германо-большевизмъ. Большевистская опасность—не только коммунистическая опасность, но и опасность нѣмецкая, пангерманская, едва ли не Гогенцоллерновская. А развѣ пангерманизмъ опасенъ только Россіи? Въ продолженіе четырехъ лѣтъ Франція, Великобританія, Америка, Италія, Бельгія—почти всѣ народы и государства— боролись съ Германіей. Неужели еще не ясно, что борьба съ большевизмомъ—продолженіе этой же великой борьбы? Будутъ ли народы свободны и въ частности будутъ ли свободны славяне, русскіе и поляки, или германскій имперіализмъ сдѣлаетъ изъ насъ своихъ покорныхъ рабовъ, а изъ Франціи своего вассала? Такъ во всей своей обнаженности стоитъ вопросъ о борьбѣ съ германо-большевиками.

Европа инстинктивно чувствуетъ это. На русской землѣ сражались противъ большевиковъ англичане, французы, греки, румыны, сербы, чехи, поляки. Неужели они сражались только за насъ, за Россію? Развѣ у Архангельска, подъ Казанью, въ Одессѣ и въ Забайкальѣ не рѣшались, не рѣшаются еще и сейчасъ судьбы Европы? Russia fara da se... Ну, а Европа? Или на насъ, русскихъ, истощенныхъ шестилѣтней войной, разоренныхъ большевиками, гонимыхъ, поруганныхъ, израненныхъ, оскорбленныхъ и все-таки не складывающихъ оружія, и все-таки послѣ пораженія Колчака, Деникина и Юденича продолжающихъ борьбу со „Звѣремъ изъ бездны", лежитъ обязанность спасти не только себя, но и безъ всякой помощи еще и Европу? Большевизмъ—не русскій вопросъ и даже не европейскій. Большевизмъ вопросъ міровой. Арміи русскія, въ частности армія Врангеля, сражались и сражаются за весь цивилизованный міръ. Но намъ трудно бороться. Неужели никто не придетъ къ намъ на помощь, за „нашу и вашу вольность"? Вѣдь мы не просимъ иностранныхъ солдатъ, вѣдь мы нуждаемся только въ матеріальной поддержкѣ и въ словѣ сочувствія, въ словѣ искренняго участія. Намъ нужны орудія, пулеметы, аэропланы, винтовки, сапоги, сѣдла, шашки, — все то, безъ чего сражаться никто не можетъ. Намъ нужны не „подозрительная ласковость взгляда", когда на одну доску ставятся Чайковскій и Красинъ, а адмиралъ Колчакъ погибаетъ, выданный „по недоразумѣнію" большевикамъ, и не холодное равнодушіе, когда всякая вооруженная борьба съ большевизмомъ именуется „авантюрой", намъ нужны честная дружба, безоговорочное признаніе, недвусмысленная поддержка—все, безъ чего сражаться никто не можетъ. Да, Russia fara da se—свою родину мы устроимъ. Но по мѣрѣ силъ работая надъ возрожденіемъ ея, мы приносимъ нашу глубочайшую благодарность тѣмъ иностранцамъ, которые не укрылись за этимъ удобнымъ для нихъ — не губительнымъ ли? — девизомъ. Мы глубочайше благодарны Правительству Франціи за признаніе имъ власти Врангеля. Мы никогда не забудемъ, что на польскомъ фронтѣ совмѣстно съ польскими войсками сражались русскія войска ген. Булакъ-Балахо-

вича, снабженные Польшей, поддержанные поляками. И мы никогда не забудемъ, что въ Варшавѣ, въ годину смуты и невыразимѣйшихъ бѣдствій, мы услышали слово участія, а не тяжкое, оскорбительное и незаслуженное „Russia fara da se", т. е. въ устахъ чужестранцевъ, „моя хата съ краю", — погибайте, пока очередь, слава Богу, еще до насъ не дошла.

О „самоопредѣленіи народовъ".

Мы всѣ, русскіе, мечтаемъ о возрожденіи Россіи. Мы всѣ желаемъ видѣть ее свободной, мирной и сильной. Для насъ бѣдствіе смутнаго времени заключается не только въ томъ, что Москва въ рукахъ неистовствующихъ большевиковъ, но и въ томъ, что всѣ народы, входившіе въ составъ бывшей Россійской Имперіи, оторвались отъ насъ и заявили о своей независимости. Независимая Эстонія, независимая Латвія, независимая Литва, независимая Украина, независимая Грузія, независимый Азербейджанъ, независимый Сѣверный Кавказъ, завтра независимая Кубань, завтра, быть можетъ, независимая Бѣлоруссія... Это ли не расчлененіе Россіи?

То, что собиралось вѣками, въ одинъ годъ пошло прахомъ. Мы, великороссы, отброшены ко временамъ Ивана Калиты. И большевистскія войска, воюя съ Польшей и Украиной и заключая миръ, „для передышки", съ Эстоніей, Латвіей, Грузіей, въ сущности продолжаютъ дѣло русскихъ царей, самодержавія россійскаго.—вооруженной рукою пытаются собрать утраченныя Москвой земли. Въ этой попыткѣ ихъ — соблазнъ для русскихъ имперіалистовъ. Крайности сходятся. Почему Брусилову и Гутору не руководить вооруженнымъ „собираніемъ" Россіи, даже если собираніе это проходитъ подъ знакомъ Интернаціонала? Они разсуждаютъ такъ: „Интернаціоналъ пройдетъ, Россія останется". И какъ бы не презирали ихъ тѣ бѣлые генералы, которые воевали съ Грузіей и Украиной, род-

ственная, сокровенная связь ихъ между собой очевидна И тѣ и другіе не мыслятъ возсозданія Россіи иначе, какъ мечомъ, завоеваніемъ, войной. И тѣ и другіе въ тайникахъ своего сердца не сомнѣваются въ своемъ правѣ покорять, т. е. „тащить и не пущать“ всѣхъ, кто слабѣе ихъ Имъ чужда идея свободы. Не чужда ли она и большинству русской интеллигенціи, не только Сазонову и Деникину, но даже соціалистамъ, когда въ отдѣленіи Украины или Грузіи они видятъ только нарушеніе исконныхъ правъ Москвы, и ничего болѣе?

Что такое „самоопредѣленіе народовъ“? Самоопредѣленіе народовъ подразумѣваетъ ихъ безоговорочное право на самостоятельное и независимое бытіе. Право это одинаково для большихъ и малыхъ, для слабыхъ и сильныхъ, для тѣхъ, у кого многомилліонная армія, и для тѣхъ, у кого ея вовсе нѣтъ. Нельзя украинца принудить себя чувствовать гражданиномъ Россіи. Онъ воленъ признать Украину частью Россійскаго Государства и воленъ признать ее „самостійной“. Если мы отрицаемъ это, то мы мужественно должны договорить до конца: правъ былъ Деникинъ, сражаясь съ Петлюрой, и, можетъ быть, правъ Гуторъ.

Третьяго не дано. Либо надо съ оружіемъ въ рукахъ собирать Россію, либо надо примириться съ независимостью отдѣлившихся отъ Москвы народовъ. Автономіей не удовлетворить никого — ни Деникина, ни Петлюру.

Все это ясно не первый день. Не первый день ясно, что истинный демократизмъ состоитъ въ утвержденіи не только своей, но и чужой свободы. Но много ли русскихъ, которые не возмущаются „измѣной“ Латвіи или Кубани?

Да, Россія расчленена. Но въ этомъ виноваты не украинцы или эстонцы, а мы русскіе—соціалисты, республиканцы и монархисты. Виноваты Романовы, виноваты большевики, виноваты правительства Керенскаго и Львова. Ни Романовы, ни Троцкій, ни Керенскій не уразумѣли того, что насильно милъ никому не будешь, и что нельзя строить единство Россіи на городовомъ, милиціонерѣ или че-ка. Если бы я былъ украинцемъ, если бы я видѣлъ въ Москвѣ всегда и при всѣхъ режимахъ одно и то же не-

признаніе моей свободы, одно и то же отрицаніе моихъ естественныхъ правъ, я бы, конечно, отдѣлился отъ Россійскаго Государства, я бы, конечно, сталъ самостійникомъ. Но я русскій. И я скорблю, что Россія расчленена. Я скорблю и мечтаю о ея возсозданіи.

Какъ ее возсоздать? Побѣдить большевиковъ и походнымъ порядкомъ пойти на Кіевъ, на Тифлисъ, на Екатеринодаръ? Но, во-первыхъ, побѣдить большевиковъ невозможно, пока враги не только Ленинъ и Троцкій, но и Петлюра, и Церетелли, и Пелюкъ, и другіе. Во-вторыхъ, неужели, закончивъ одну войну, намъ придется немедля вести другую? И есть ли надежда—побѣдить и въ этой, второй, войнѣ? И нужно ли, справедливо ли, разумно ли начинать ее?

Пусть люди живутъ свободно. Не надо насиловать никого. Не надо пугаться словъ. Надо вѣрить въ свободу. Надо вѣрить въ Россію. Надо вѣрить, что если мы, русскіе, перестанемъ посягать на чужія права, если въ этомъ убѣдятся и кубанцы, и грузины, и украинцы, то Россія сама собой возсоздастся. Она возсоздастся свободнымъ и равноправнымъ соглашеніемъ Москвы и отдѣлившихся государствъ.

Она не можетъ не возсоздаться, ибо и экономическое, и политическое и культурное взаимное тяготѣніе такъ непреодолимо огромно, что въ немъ потонутъ всѣ былыя обиды и всѣ разногласія. Я не предрѣшаю ни формъ соглашенія, ни подробностей возсозданія. Но я убѣжденъ глубочайше: побѣдить большевиковъ возможно лишь утверждая свободу, въ частности утверждая право самоопредѣленія народовъ. И я убѣжденъ глубочайше: послѣ сверженія большевиковъ, когда наступитъ тяжкій періодъ строительства, возсозданіе Россіи пойдетъ путемъ не насилія а соглашенія, ибо иного пути нѣтъ и не можетъ быть.

Россія и Польша.

Когда я мальчикомъ жилъ въ Варшавѣ, помню, меня, русскаго, возмущало до глубины сердца то, что считалось тогда естественнымъ и даже разумнымъ въ канцеляріяхъ Петрограда и въ Царскосельскомъ дворцѣ. Меня возмущало, что противъ собора красуется памятникъ „полякамъ, оставшимся вѣрными русскому царю во время возстанія". Меня возмущало, что въ гимназіи, гдѣ я учился, было строжайше воспрещено говорить по-польски, меня возмущало, что офиціально Польши не было вовсе, а были „привислинскія губерніи, населенныя „русскими католическаго исповѣданія", а, главное, меня возмущало, что людей арестовывали, гноили въ цитадели и отправляли въ Сибирь единственно за любовъ къ своей родинѣ. Я учился по Иловайскому. Но и Иловайскій не могъ скрыть отъ меня ни Яна Собѣсскаго, ни Костюшки, ни Килинскаго, ни Мицкевича. Я съ дѣтства привыкъ любить и уважать доблестный и многострадальный народъ, столь близкій намъ, русскимъ, по крови. И съ дѣтства я привыкъ вѣрить, что когда-нибудь изъ „очистительнаго костра" возстанетъ снова „одноплеменный орелъ", и воцарится миръ между Москвой и Варшавой.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Мы, русскіе, перенесли бѣдствія неизъяснимыя. Быть можетъ, завтра тѣ же бѣдствія постигнутъ поляковъ. Не настали ли сроки забыть о враждѣ? И если есть еще русскіе, которые въ своемъ темномъ безуміи не забыли о Паскевичѣ и „Привислинскихъ губерніяхъ", и если есть еще поляки, которые въ насъ, русскихъ, большевикахъ, соціалистахъ, демократахъ и монархистахъ, видятъ равно ненавистныхъ имъ „москалей" и смѣшиваютъ Чайковскаго съ Троцкимъ и Врангелевскаго добровольца съ большевикомъ, пожалѣемъ о нихъ и пройдемъ равнодушно мимо. Не только для успѣшной борьбы съ Пентаграммой — съ большевиками, но и особенно для будущихъ судебъ нашихъ, намъ, полякамъ

и русскимъ, надлежитъ оставить всѣ споры и всѣ разногласія. Польша безъ союза съ Россіей быть свободной и сильной не можетъ. На западѣ — Берлинъ, на востокѣ — Москва. Какъ бы прочно ни построилась Польша, ей придется выбирать между Германіей и Россіей. Съ Германіей сожительствовать ей не дано. Сожительство съ нѣмцами — гибель Польши. Слѣдовательно, нравится это или нѣтъ, но остается только одинъ, единственный, выходъ — дружба съ Россіей. Я уже не говорю объ экономическихъ интересахъ, которые влекутъ Лодзь и Варшаву на востокъ и ни въ коемъ случаѣ не на западъ. Но если Польша не можитъ жить безъ Россіи, то можетъ ли жить Россія безъ Польши? Я знаю, многіе мнѣ отвѣтятъ: да. Многіе мнѣ отвѣтятъ, что Россія, соединившись съ Германіей, раздавитъ Польшу, что Лодзь и Варшава снова будутъ подъ управленіемъ Гурко или Скалона, что Германія дастъ Россіи товаръ, и что Россія дастъ Германіи пшеницу, что онѣ обѣ вмѣстѣ, перешагнувъ черезъ трупъ растерзанной Польши, будутъ хозяевами Европы, что я, русскій, долженъ разсуждать, прежде всего, съ точки зрѣнія величія Россіи, и что съ этой „патріотической“ точки зрѣнія выбора быть не можетъ: Москва должна идти съ Берлиномъ, а не съ Варшавой.

Я возражаю. Во-первыхъ, этотъ планъ неосуществимъ. Онъ былъ осуществимъ при Царѣ и при Вильгельмѣ II-мъ. Но Царя нѣтъ въ живыхъ, а Вильгельмъ II-ой доживаетъ свой вѣкъ въ Голландіи. Не только въ Германіи и въ Россіи, но и во всемъ мірѣ что-то перемѣнилось. Надо разъ навсегда понять, что возврата къ старому нѣтъ, что силою оружія не устроить Европы. Время завоеваній прошло. Невозможно идти противъ воли народовъ. Невозможно оружіемъ удержать за Россіей Варшаву и Лодзь. Неужели еще не ясно, что нельзя заставить нынѣ людей воевать во имя ограбленія сосѣда?

Во-вторыхъ, если бы планъ этотъ былъ осуществимъ, то онъ былъ бы губительнымъ для Россіи. Военный союзъ Германіи съ Россіей означаетъ нѣмецкую технику — аэропланы, орудія, танки, блиндированные автомобили, нѣмецкій штабъ, нѣмецкіе кадры и русскій человѣческій мате-

ріалъ, пушечное мясо русскихъ солдатъ. Идти въ подчиненіе къ нѣмцамъ для того, чтобы разгромить Польшу, распространиться географически, прибавить къ нашимъ землямъ непринадлежащія намъ сосѣднія земли и это цѣною безчисленныхъ жертвъ народныхъ и ненависти всего остального міра!..

— Поистинѣ надо ничего не понять въ происшедшихъ событіяхъ, чтобы защищать такой планъ. Но если не съ Германіей, то съ Польшей, съ славянствомъ. Но если не война, то долгожданный и прочный миръ, миръ въ трудѣ и въ мирномъ обогащеніи. Союзъ Россіи и Польши гарантируетъ на долгіе годы не только Россію и Польшу, но и всю Европу отъ угрозы новой войны, ибо если снова суждено войнѣ быть, то она будетъ опять на востокѣ, на польскихъ и на нашихъ границахъ. Союзъ Россіи и Польши не позволитъ ослабленной нынѣ Германіи угрожать ни той, ни другой сторонѣ, не позволитъ нѣмцамъ ни оружіемъ, ни мирно завоевать Россію и обезпечитъ свободный ростъ и свободное развитіе двухъ славянскихъ орловъ.

Для меня въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Болѣе того, для меня нѣтъ сомнѣнія, что всякое иное рѣшеніе вопроса поведетъ къ новымъ бѣдствіямъ, долгимъ и тяжкимъ, и что все равно, хотя бы цѣною этихъ безчисленныхъ бѣдствій, два славянскихъ народа рано или поздно заключатъ между собой спасительный для нихъ, естественный и неизбѣжный союзъ.

О „самостійности“ и „самостійникахъ“

Какъ я писалъ въ одной изъ предыдущихъ статей, есть двѣ концепціи возсозданія Россіи. Одна — возстановить Россію только великорусскими и казачьими силами и изъ Москвы продиктовать великорусскую и казачью волю всѣмъ народамъ, входившимъ въ составъ бывшей Россійской Имперіи. Эта концепція неизбѣжно предпо-

лагаетъ войну между Москвой и Кіевомъ, Москвой и Ревелемъ, Москвой и Ригой, Москвой и Тифлисомъ и т. д., ибо нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и Кіевъ, и Ревель, и Рига, и Тифлисъ подчинятся волѣ Москвы только по принужденію. Война же эта неизбѣжно предполагаетъ союзъ Москвы и Берлина, ибо одна Москва, потрясенная долголѣтней разрухой и истощенная большевизмомъ, не будетъ въ силахъ покорить себѣ „всѣ языци подъ нози“ Союзъ же Москвы и Берлина неизбѣжно предполагаетъ господство нѣмцевъ надъ русскими, ибо Берлинъ—техника, Москва—живой матеріалъ. Достаточно одной послѣдней возможности, чтобы отказаться отъ столь опасной концепціи и искать другой, менѣе губительной для славянъ, дороги.

Но и искать не приходится. Тяжкій опытъ Колчака, Деникина и отчасти Юденича осудилъ безвозвратно такіе пріемы возсозданія Россіи. Большевики побѣдили на востокѣ, на западѣ и на югѣ не только потому, что крестьяне въ значительной своей части были противъ „бѣлогвардейцевъ“ и не только потому, что за Доброарміей тянулись безчисленные и деморализованные тылы, но еще и потому, что въ борьбѣ великороссовъ и казаковъ за Россію и Кіевъ, и Ревель, и Рига, и Тифлисъ и др. сохраняли въ лучшемъ случаѣ нейтралитетъ, а въ худшемъ случаѣ вооружались не только противъ большевиковъ, но и противъ насъ, русскихъ. Почти трехлѣтняя междоусобная война показала воочію, что Россія изъ Москвы возсоздаться не можетъ, и что, наоборотъ, Москва можетъ возродиться только соединенными усиліями всѣхъ народовъ, входившихъ раньше въ составъ Россіи. Отсюда, вторая концепція — возсозданіе Россійскаго Государства путемъ свободнаго соглашенія между Москвой, Кіевомъ, Ревелемъ, Ригой, Тифлисомъ и т. д., — свободнаго соглашенія сперва для совмѣстной борьбы съ большевизмомъ, потомъ, черезъ Учредительное Собраніе, для построенія новой, сильной, крестьянской, „третьей“ Россіи. Я, республиканецъ, сказалъ бы точнѣе — для построенія Великой Федеративной Республики Русской. Но вопросъ о формѣ правленія не намъ подлежитъ разрѣшать. Его раз-

рѣшитъ россійскій народъ. Мы же всѣ, республиканцы и монархисты, одинаково подчинимся волѣ народа.

Вторую концепцію, учитывая уроки прошлаго, принялъ ген. Врангель. Онъ бесѣдуетъ съ „самостійною" Украиной, съ той самой „самостійною" Украиной, противъ которой воевалъ ген. Деникинъ. Есть „самостійность" и „самостійность", есть „самостійники" и „самостійники". Какой союзъ, какая федерація возможны съ Совѣтской Москвой? И какой союзъ, какая федерація возможны съ Романовскимъ Петроградомъ? Совѣтская Москва и всѣ ея тайные и явные приверженцы стремятся къ міровому господству, къ революціи всемірной, къ всероссійскому, московскому, едва прикрытому фиговымъ листкомъ совѣтовъ, самодержавію. Романовскій Петроградъ и всѣ тайные и явные приверженцы его стремятся къ тому же, къ всероссійскому, петроградскому, едва прикрытому какой-нибудь чахлой Думой, самодержавію. Разница только въ названіяхъ и именахъ. Въ Москвѣ—Ленинъ, Троцкій, Дзержинскій, чрезвычайки и комиссары. Въ Петроградѣ — Распутинъ, Штюрмеръ, Протопоповъ, охранки и губернаторы. Скажите, если бы вы были латышомъ, украинцемъ, грузиномъ и вамъ бы сказали: „соглашайтесь съ Ленинской Москвой, а если съ Ленинской Москвой согласиться нельзя, то соглашайтесь съ Романовскимъ Петроградомъ, т. е. съ канцеляріей объ „инородцахъ". Чтобы вы сказали въ отвѣтъ? Не сдѣлались-ли бы вы „самостійникомъ", не провозгласили ли бы вы „самостійности" вашей родной страны, не отвѣтили ли бы вы, что Распутинъ не лучше Троцкаго и что, въ сущности, вамъ безразлично, кто именно васъ проглотитъ — Протопоповъ или Дзержинскій, ибо вы вообще проглоченнымъ быть не хотите. Итакъ, есть „самостійники" по нуждѣ; итакъ, есть вынужденная „по независящимъ обстоятельствамъ" „самостійность". Русскій офицеръ, чтобы спастись отъ голода и постыднаго поруганія, чтобы выйти изъ безысходнаго и недостойнаго положенія, записывается въ „самостійную" армію. „Самостійникъ" ли онъ? Разумѣется, нѣтъ. Онъ тоже сталъ „самостійникомъ" по нуждѣ.

Но если бы вамъ, латышу, украинцу или грузину,

сказали: „Да, соглашаться съ Ленинымъ и Протопоповымъ невозможно; это ясно, для всякаго; это не нуждается въ поясненіяхъ. Но, если завтра выстроится новая, демократическая Россія, Россія, не желающая насиловать никого, не желающая навязывать воли Москвы никому, Россія мирнаго труда и обогащенія, неужели вы не пожелаете согласиться съ нею? Неужели вы, латышъ, грузинъ или украинецъ, пренебрегаете тѣми политическими, экономическими, наконецъ, культурными интересами, которые неразрывно васъ связуютъ съ Москвой? Неужели нынѣ вы не протянете руки тѣмъ великороссамъ и казакамъ, которые, ненавидя и Ленина, и Протопопова, трудятся надъ возсозданіемъ „третьей“ Россіи? Я убѣжденъ, что вы отвѣтите „да“, ибо въ единеніи сила, а безъ силы нѣтъ и свободы. Но если вы отвѣтите: „нѣтъ“, если вы отвѣтите, что вы, латышъ, грузинъ или украинецъ, желаете остаться всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ „самостійникомъ“, желаете всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ быть враждебнымъ Москвѣ, то мы, великороссы и казаки, вамъ скажемъ, что вы заблудились въ трехъ соснахъ, что вы не разумѣете вашихъ собственныхъ интересовъ и не заботитесь о будущемъ вашей „самостійной“ страны. Рано или поздно Москва, Кіевъ, Ревель, Тифлисъ и Рига не смогутъ прожить безъ нея. И я не вѣрю, что между „самостійниками“ найдется хоть одинъ человѣкъ, который, выбирая между свободнымъ соглашеніемъ съ демократической и сильной — „третьей“ Россіей и „самостійностью“ своей географически стѣсненной и географически зависимой родины, выберетъ враждебность къ Москвѣ и безкомпромиссную „самостійность“.

Передъ нами одинъ общій врагъ. Врагъ этотъ силенъ не столько своею силою, сколько нашей слабостью, нашими несносными ссорами, нашими нелѣпыми недоразумѣніями. Постараемся забыть обиды и взаимные грѣхи вольные и невольные. Постараемся выяснить недоразумѣнія. Одно изъ такихъ недоразумѣній — „самостійность“. Мы, великороссы и казаки, служители „третьей“ Россіи, безоговорочно признаемъ право самоопредѣленія народовъ, право Ревеля, Риги, Кіева, Тифлиса и др. устра-

вать свою судьбу, какъ имъ угодно. Но и мы заранѣе убѣждены, что свободное соглашеніе черезъ Учредительное Собраніе между „третьей“ Москвой и Ревелемъ, Ригой, Кіевомъ и Тифлисомъ приведетъ неизбѣжно къ возсозданію общими силами „третьей“ Россіи. Если „самостійники“ въ этомъ согласны съ нами, если въ этомъ и ихъ сокровенная мысль, то „самостійное“ недоразумѣніе немедленно отпадаетъ, и ген. Врангель правъ, бесѣдуя съ Украиной, болѣе того, бесѣдуя съ Украиной, ген. Врангель кладетъ тотъ краеугольный камень, на которомъ созиждется свѣтлое будущее Россіи и провозглашеннаго ею союза народовъ.

Вольное казачество.

При царѣ слово „казакъ“ возбуждало у многихъ недобрыя чувства. Казакъ — значитъ нагайка. Казакъ — значитъ усмиритель. Казакъ — значитъ „Боже царя храни“. Была ли заслужена эта репутація?

Да, конечно, при царѣ казаки „усмиряли“. Но вѣдь и Фанагорійцы, и Семеновцы усмиряли тоже, и 9 января 1905 г. народная кровь пролилась въ Петроградѣ, потому что стрѣляли пѣхотныя части. И какъ было имъ не стрѣлять? Кто отказывался стрѣлять, тотъ самъ былъ разстрѣлянъ. Когда при царѣ меня арестовали жандармы, солдаты Бѣлостокскаго полка, которые вели меня въ крѣпость, говорили мнѣ—„арестанту“: „Мы знаемъ, что ты за землю и волю, значитъ, за правду, значитъ, за насъ. Но если побѣжишь, будемъ стрѣлять, потому что иначе насъ разстрѣляютъ“.

Насталъ 1917 г. Вспыхнула февральская революція. Если бы не казаки, Протопоповскіе жандармы подавили бы „бунтъ“. Казаки,— если не ошибаюсь, донцы, — первые отказались стрѣлять въ безоружный народъ, присоединились къ „бунтовщикамъ“ и пошли противъ Николая II-го. Сперва казаки, а затѣмъ уже гвардіи Волынскій полкъ,

Русскимъ людямъ, любящимъ родину, для которыхъ режимъ Распутиныхъ, Штюрмеровъ, становыхъ, губернаторовъ и жандармовъ такъ же ненавистенъ, какъ режимъ Ленииныхъ, Троцкихъ, чрезвычаекъ, совдеповъ и цикомъ, не слѣдуетъ забывать этой великой казачьей службы. „Усмиритель" казакъ въ февралѣ 1917 года показалъ себя истиннымъ сыномъ народа и вѣрнымъ слугой демократической и свободной Россіи. Такимъ же онъ показалъ себя все время междоусобной войны.

Донцы, кубанцы, терцы, оренбурцы, уральцы, астраханцы, забайкальцы, амурцы первые отозвались на призывъ „за родину и свободу". „Совѣтъ союза казачьихъ войскъ", членомъ котораго я состоялъ и съ вѣдома котораго я приписанъ къ станицѣ Пашковской Кубанскаго войска, первый выступилъ противъ большевиковъ: двѣ донскія сотни защищали Временное Правительство 25-го октября. 30-го октября того же 1917 года опять-таки казаки, подъ начальствомъ ген. Краснова, попытались освободить Петроградъ отъ Ленина и Троцкаго. Ихъ усилія разбились въ неравномъ бою подъ Пулковомъ. Съ тѣхъ поръ и по нынѣшній день казаки ни на минуту не сложили оружія, ни на минуту не покорились большевикамъ, ни на минуту не отреклись отъ родины и не перестали защищать свободы. Вспомните незабвеннаго атамана Каледина, атамановъ Дутова, Семенова, Богаевскаго и сражающагося нынѣ на занятой большевиками Кубани атамана Павлюка. Сколько славныхъ казачьихъ именъ .. Россія ихъ не забудетъ, какъ не забудетъ тѣхъ безчисленныхъ свободолюбивыхъ казаковъ, которые, защищая свои земли отъ большевистскаго разбоя, легли костьми у Ростова, у Новочеркасска, у Таганрога, у Екатеринодара и на путяхъ къ Москвѣ.

Въ годину небывалаго бѣдствія, смуты, разрухи и потрясенія глубочайшихъ основъ государственной жизни, когда Россія поколебалась, когда рухнула ея мощь, когда была растоптана ея новорожденная свобода, вольное казачество встало на защиту родины и свободы „Усмиритель" казакъ сталъ воплощеніемъ русскаго національнаго духа, любви къ отечеству, готовности пожертвовать для него жизнью. И не только національнаго духа. Вольный казакъ

воплотилъ въ себѣ и духъ „третьей“ Россіи—духъ демократіи, свободы, равенства и братства. Не казачество покровительствовало помѣщикамъ, не казачество заводило снова генералъ-губернаторовъ. Донъ, Кубань, Терекъ построились на новыхъ началахъ, тѣхъ, на которыхъ построится вся Россія: земля земледѣльцу и свобода для всѣхъ.

Конечно, Буденный соблазнилъ не одного казака. Конечно, не одинъ казакъ перешелъ на сторону большевиковъ. Но какъ примутъ станицы тѣхъ, которые, покорившись Троцкому, воевали противъ своихъ же братьевъ? Къ счастью, такихъ немного. Къ счастью, у Буденнаго нашлись казаки, которые при первой возможности покинули красную армію и черезъ польскій фронтъ нашли свою истинную дорогу: снова драться съ большевиками, драться до тѣхъ поръ, пока ихъ земли не будетъ освобождены, пока не будетъ освобождена Россія.

Будущій историкъ отмѣтитъ, что казачество и именно оно было въ наше тяжкое время тѣмъ устойчивымъ элементомъ, который не разрушалъ, а строилъ, и, строя, не стремился къ возврату стараго и уже навѣки отжившаго, а къ созиданію новаго—новой, третьей, демократической, казачьей и крестьянской Россіи. Онъ отмѣтитъ, что если казачество не было достаточно многочисленнымъ, чтобы своими силами выстроить эту Россію, то оно, конечно, не жалѣло жертвъ въ той борьбѣ не на жизнь, а на смерть, которую вчера намъ русскимъ, сегодня полякамъ, а завтра всей Европѣ суждено вести съ большевизмомъ—„со звѣремъ изъ бездны“.

О русскихъ офицерахъ.

Въ маѣ 1917 г., т. е. три мѣсяца спустя послѣ февральской революціи, когда уже въ каждой ротѣ, въ каждомъ полку, въ каждомъ корпусѣ, въ каждой арміи были „Исполкомы“, „Аркомы“ и „Искомитюзы“, когда офицеровъ отчисляли въ резервъ за „политическія убѣжденія“

когда на митингахъ было принято демагогически восхвалять солдатъ, даже и тѣхъ, которые отказывались идти на позицію, и умышленно забывать объ офицерахъ; когда офицеры, согласно приказа № 1-й, перестали въ сущности быть офицерами, ибо были лишены власти, — старый солдатъ, командующій 7-ой арміей, генералъ Бѣльковичъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ:

— Офицеры наши— страдальцы передъ Господомъ Богомъ. За страданія ихъ всѣ грѣхи имъ простятся...

„За страданія ихъ“... Но вѣдь въ маѣ 1917 г. чаша этихъ крестныхъ страданій еще не была и на десятую долю испита. Впереди предстояли мученія неслыханныя, жертвы неисчислимыя, подвиги несказуемые. Время Керенскаго съ одиночными убійствами офицеровъ и даже съ „Выборгской школой плаванія“ было только преддверіемъ того, поистинѣ, ада, въ который ввергли русское офицерство неистовая жестокость и неистовое безуміе большевиковъ.

Срывали погоны. Бросали подъ поѣзда. Отправляли въ „Штабъ Генерала Духонина“. Измывались въ лицѣ „Главковерха“ Крыленко. Потомъ, послѣ убійства Щастнаго, „судили“ въ „ревкомахъ“ и „чрезвычайкахъ“, по „суду“ топили, разстрѣливали, просто-на-просто убивали ломомъ по головѣ... Не было того надругательства, не было того истязанія, котораго бы не испытали русскіе офицеры, вплоть до надругательства не надъ ними, а надъ семьями ихъ, вплоть до истязанія не ихъ, а ихъ отцовъ, матерей, сестеръ. И теперь еще чаша не испита до дна. И теперь еще въ красной арміи, въ каждомъ корпусѣ, въ каждомъ полку, въ каждой ротѣ, эскадронѣ и сотнѣ, свирѣпствуетъ „комиссаръ“, какой-нибудь непомнящій родства „товарищъ Антоновъ“, вольный въ смерти и жизни своихъ „подчиненныхъ“. Да, воистину, „страдальцы передъ Господомъ Богомъ“. Да, воистину, „за страданія ихъ всѣ грѣхи имъ простятся“.

Что же дѣлало русское офицерство, когда бѣдствія эти постигли его? Забыло ли оно о главномъ—о томъ, въ чемъ заключается святая святыхъ солдата, о воинскомъ долгѣ, о долгѣ передъ Россіей? При Керенскомъ, когда

„Неполкокроты" и „Румчер...л" занимались языкоблудіемъ, а смущенные и соблазненные большевиками солдаты братались въ окопахъ или отказывались идти въ атаку, офицеры умирали въ бою. Я знаю случаи, когда лѣтомъ 1917 года офицеры одни, безъ солдатъ, цѣпью выходили на нѣмцевъ и погибали на проволочныхъ заграждeніяхъ. И я знаю случаи, когда они выходили на нѣмцевъ, а сзади въ спину имъ стрѣляли русскіе пулеметы... Подъ Бжежанами, подъ Тарнополемъ, на Стоходѣ, подъ Ригой, при неудачахъ и при тягостныхъ пораженіяхъ офицеры неизмѣнно исполняли свой долгъ.

Такъ было при печальной памяти Керенскомъ. Совершился большевистскій переворотъ. Кто отозвался на зовъ Корнилова, Алексѣева, потомъ Деникина, Колчака, Юденича? Офицеры. Кто совершилъ ледяной походъ? Офицеры. Кто трупами своими устлалъ дорогу до Орла? Офицеры. Кто подошелъ къ Петрограду и угрожалъ Зиновьевскому самодержавію? Офицеры. Кто сражался на Волгѣ, на Уралѣ, у Омска? Офицеры. Вездѣ, гдѣ дурно или хорошо, ошибочно или нѣтъ, но велась вооруженная борьба за Россію—за родину и свободу—въ первыхъ рядахъ шли поруганные, униженные, самоотверженные и доблестные русскіе офицеры. Они оставляли семьи. Они послѣ многолѣтней войны снова брались за винтовку. Они, неодѣтые, необутые, являли примѣръ воодушевленной любви къ отечеству. И, какъ всегда, они умирали. Упалъ Колчакъ. Упалъ Деникинъ. Упалъ Юденичъ. Идея Россіи замкнулась въ Крыму, воплощенная въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ послѣднихъ бойцовъ. И на послѣдній зовъ Врангеля откликнулся кто? Опять офицеры. Тѣ самые офицеры, которые съ боемъ пробивались на югъ или въ Эстонію полуголодные, брошенные, всѣми забытые рубили лѣсъ, или добывали торфъ.

И когда здѣсь, въ Польшѣ, польская армія, борясь противъ общаго врага, противъ большевиковъ, защищала героически Варшаву, развѣ не было русскихъ офицеровъ, которые отдали свою жизнь на польскихъ поляхъ за Россію, за Польшу, „за вашу вольность и нашу"?

Я утверждаю: не о прощеніи грѣховъ должна идти

рѣчь. Если и были они, то они искуплены безмѣрнымъ страданьемъ. Мы, русскіе, должны и можемъ гордиться русскими офицерами. Пусть „гордый взоръ иноплеменный" не пойметъ и не замѣтитъ ихъ великаго подвига. Мы, русскіе, этотъ подвигъ знаемъ. Мы, русскіе, этотъ подвигъ цѣнимъ. Мы, русскіе, никогда не забудемъ, что русское офицерство не сложило оружія въ самые тяжкіе дни, не покорилось, не признало власти потерявшихъ обликъ и подобіе Божіе людей, которые истерзали, разграбили, унизили и разрушили Россію.

Вѣчная честь и вѣчная слава русскому офицеру!

Брусиловскіе патріоты.

Въ русской общественности въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса, что красная армія, воюя съ Польшей, защищаетъ Россію, что генералъ Брусиловъ истинный русскій патріотъ, что Троцкій и Ленинъ уже не тѣ, что были въ 1917 году и что для нихъ родина уже не „буржуазный предразсудокъ", а такая же огромная духовная цѣнность, какъ и для тѣхъ, кто умиралъ въ Галиціи и въ Пинскихъ болотахъ, подъ Екатеринодаромъ, подъ Петроградомъ и подъ Казанью. Голоса эти раздаются и справа и слѣва. Справа — отъ людей, еще мечтающихъ о Романовыхъ, слѣва — отъ людей, уже въ глубинѣ души примирившихся съ большевиками.

Болѣе безстыдной лжи или болѣе глубокаго недоразумѣнія невозможно себѣ представить. Большевики интернаціональны по существу. Ихъ цѣль — всемірная революція. Таковъ смыслъ Коммунистическаго Манифеста 1848 г., евангелія большевизма. Таковъ смыслъ всѣхъ большевистскихъ съѣздовъ. Таковъ смыслъ всѣхъ рѣчей Ленина, Троцкаго, Зиновьева и иныхъ И таковъ смыслъ всей дѣятельности большевистскихъ „совѣтовъ".

Большевизмъ родился на фронтѣ. Агенты Ленина пришли въ окопы съ обаятельнымъ словомъ „миръ".

Но миръ миру рознь. Есть миръ маршала Фоша и есть миръ „похабный". Этотъ второй „похабный" миръ проповѣдывали большевики. Въ чемъ состояла ихъ агитація? Родины нѣтъ. Родина — для „буржуевъ". Для рабочаго и крестьянина все равно, кто будетъ распоряжаться въ Россіи — русскіе люди, или нѣмцы, или китайцы. Важно не это. Важно прекратить „братоубійственную" войну, оставить окопы и вернуться домой. Ихъ проповѣдь была выгодной для Германіи. Но не только Германіи служили они. Они прежде всего служили Интернаціоналу. Да здравствуетъ Интернаціоналъ, да погибнетъ Россія! Да здравствуетъ Карлъ Марксъ, да покроется стыдомъ лицо родины! Разсуждая такъ, они заключили позорный миръ въ Брестъ-Литовскѣ. Откуда явилась мысль, что они „собираютъ" Россію? Да, они сегодня идутъ на Польшу, а завтра пойдутъ на Финляндію, Эстонію, Латвію, Грузію. Но причемъ тутъ „собираніе" Россіи? И если миръ миру рознь, то и война войнѣ рознь. Наивные монархисты, служащіе въ красной арміи, мечтаютъ, что когда Польша будетъ раздавлена и Финляндія и другія малыя государства повержены, то „собранная" Россія снова возглавится Всероссійскимъ царемъ. Но не эти наивные монархисты, не красноармейскіе капитаны, не Незнамовы, не Реттели, не Брусиловы опредѣляютъ цѣли и смыслъ большевистской войны. Ихъ опредѣляютъ Троцкій, Ленинъ, Чичеринъ и тѣ комиссары, которые поставлены къ Брусилову, Реттелю и Незнамову. А за комиссарами есть Чрезвычайки. А въ Чрезвычайкахъ—Дзержинскій. Брусиловъ лѣзетъ изъ кожи для своей неосуществимой мечты, а Дзержинскій смѣется. Брусиловъ надѣется, что рано или поздно Дзержинскій будетъ ему служить, а Дзержинскій знаетъ, что Брусиловъ уже служитъ ему — ему, пентаграммѣ, ему—Интернаціоналу. Брусиловъ обманываетъ себя расчитывая, что когда-нибудь пересмотрятъ Версальскій договоръ въ пользу Россіи, а Дзержинскій знаетъ, что если большевики придутъ въ Варшаву, то Версальскій договоръ непремѣнно будетъ пересмотрѣнъ, но не въ пользу Россіи (Россіи нѣтъ, Россія не болѣе какъ „предразсудокъ"), а въ пользу Интерна-

ціонала и Пентаграммы. Всемірная революція — всемірное уравненіе. Бей всемірныхъ „буржуевъ". И когда Европа будетъ разорена, когда на улицахъ Парижа прорастутъ, какъ на Литейномъ, сорныя травы, когда фабрики въ Лондонѣ станутъ, когда въ Берлинѣ не будетъ ни воды, ни свѣта, какъ въ Петроградѣ — какой ужъ тамъ Версальскій договоръ... Какіе тамъ вообще договоры. Договоры — клочки бумаги. А реальная жизнь — одичаніе, возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ.

Кто кого перехитритъ—Брусиловъ Дзержинскаго или наоборотъ? Сомнѣваться, кажется, нельзя. До сихъ поръ большевики не грѣшили наивностью. Ну, а если даже случайно перехитритъ Брусиловъ? Если даже осуществится его мечта? Если завтра Брусиловъ свергнетъ „Совдепъ" и соберетъ оружіемъ Россію? Что дальше? Дальше — опять война. Польша, Латвія, Эстонія, Грузія, наконецъ, вся Европа могутъ быть наводнены большевизмомъ, но ни Польша, ни Латвія, ни Эстонія, ни Грузія, ни тѣмъ менѣе вся Европа не могутъ быть наводнены Брусиловско - царскими войсками даже съ помощью нѣмцевъ. Этого не дано. Призракъ самодержавной Россіи поднметъ на ноги всѣ народы, даже Турцію, даже Германію. Неужели такъ трудно понять, что къ старому нѣтъ возврата и что тѣ, кто стремится къ неразумному и несправедливому старому, не гнушаясь союза съ большевиками, не служатъ Россіи, ея возсозданію, ея устройству, ея свободѣ, ея величію, а роютъ яму, еще болѣе глубокую пропасть, еще болѣе бездонную? Кто лжетъ и кто заблуждается — я не знаю. Я хочу вѣрить, что никто не лжетъ и всѣ заблуждаются. Но есть предѣлъ заблужденію. Иногда заблужденіе—непрощаемый грѣхъ. Почти три года междоусобной войны должны, наконецъ, раскрыть глаза даже и не желающимъ видѣть. Россія возсоздастся или какъ великая крестьянская демократія, мирная и свободная, никого не насилующая, въ мирѣ трудящаяся и въ мирѣ обогащающаяся, или же не создастся вовсе. Кто служитъ Россіи, служитъ этой „третьей", - не царской и не большевистской Россіи. Скажемъ правду: и Брусиловъ, и Незнамовъ, и Реттель, и несчастные красноармейскіе офицеры служатъ Ленину

не для Россіи, а изъ-подъ палки, по принужденію. Поймемъ это. Не будемъ вольно или невольно лгать объ ихъ патріотическихъ чувствахъ и не будемъ клеветать на большевиковъ, что они возлюбили Россію. Простимъ первыхъ, но да не угаснетъ ненависть ко вторымъ.

О „Соглашателяхъ".

Временное Правительство смотрѣло на большевиковъ сквозь пальцы. 3-го іюля большевистское возстаніе подавлялось въ перчаткахъ. Ленинъ „скрывался" на глазахъ у милиціи. Арестовывать большевиковъ не полагалось. Тѣмъ менѣе разстрѣливать. Люди, пріѣхавшіе во время войны изъ Германіи, люди, проповѣдывавшіе братанье на фронтѣ, люди собиравшіеся заключить „похабный" миръ, люди, о которыхъ имѣлись свѣдѣнія, что они не чужды нѣмецкому золоту, считались „товарищами". Ихъ „уговаривали":—перемелется, мука будетъ.

Традиціи Временнаго Правительства живы еще до сихъ поръ. Похабный миръ заключенъ, Россія растерзана, десятки и сотни тысячъ „буржуевъ" и „контр-революціонеровъ" разстрѣляны, крестьянство изнемогаетъ отъ комиссаровъ, рабочіе мрутъ съ голоду въ городахъ, въ Москвѣ самодержавно царитъ Бронштейнъ-Троцкій, имя русскаго стало почти посмѣшищемъ для Европы, и все-таки есть еще люди, которые считаютъ большевиковъ „товарищами" и тянутъ старую пѣсню: — перемелется, мука будетъ.

Кто эти люди? Объ иностранцахъ я говорить не хочу, я говорю о русскихъ. Во-первыхъ, крупные финансисты. Здѣсь ясно: соглашеніе съ большевиками означаетъ „торговлишку". Сняли блокаду—поторговалъ. Помирились съ большевиками—поторговалъ еще лучше. Какъ и чѣмъ поторговалъ,—безразлично.

Триста на сто на хлѣбѣ. Нѣтъ хлѣба, на льнѣ. Нѣтъ льна, на картинахъ, брилліантахъ, бронзѣ. Нельзя черезъ Петроградъ, — черезъ Ревель. Нельзя черезъ Ревель, — че-

резъ Владивостокъ. Лишь бы „ляхи не шли въ Россію", лишь бы бѣлые поняли, что красные — русскій народъ, а воля, молъ, народа священна. Народовольцы!...

Во-вторыхъ, всѣ тѣ, кто питается отъ большевиковъ. Этихъ много, больше, чѣмъ думаютъ. Я слышалъ такія слова: „Мама зоветъ въ Москву, пишетъ, все есть — масло и пироги" или „Петя съ Красинымъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, говорятъ, ему хорошо живется", или „Коля, слава Богу, комиссаромъ въ Орлѣ". Семейныя связи, тончайшія нити, раздѣленные и вмѣстѣ съѣденные куски. Какой цѣной? Опять-таки, — безразлично.

Въ-третьихъ, „идейные" люди. Едва ли не патріоты. Не во имя партіи, а во имя, извините, Россіи, вчерашніе пораженцы, циммервальдисты, члены интернаціональныхъ „Совдеповъ", поклонники Дана и Цедербаума кричатъ о „братоубійственной" междоусобной войнѣ. Прекратить кровопролитіе!.. Польское наступленіе вызоветъ патріотическій подъемъ въ совѣтской Россіи... Не отдадимъ земли русской!.. Война усиливаетъ большевиковъ! Большевизмъ есть зло, но это зло истощится само собой, безъ лишнихъ жертвъ, безъ варяговъ!.. Слушаешь эти вопли и опять вспоминаешь Временное Правительство. При мнѣ, въ Гатчинѣ, въ дни Красновской попытки, отдавались такія невѣроятныя приказанія: „Матросовъ щадить", „Наблюдать, чтобы не было крови", а настаивавшимъ на томъ, что война есть война, дѣлались строжайшія замѣчанія: „Мы не звѣри, товарищъ".

Да, строить возрожденіе Россіи на соціальной мести безумно. Да, разстрѣливать мобилизованныхъ красноармейцевъ грѣшно. Да, казнить безъ суда, пользуясь своей силой, преступно. Но „уговаривать" людей, которые убили вашего брата, надругались надъ матерью и лишили васъ родины, „уговаривать" ихъ, соглашаться съ ними — позоръ.

Перемелется, мука будетъ... На Литейномъ проспектѣ зазеленѣетъ трава, упадутъ фабричныя трубы, остановятся паровозы, Россія превратится въ госпиталь для тифозныхъ больныхъ, темные люди, гонимые пулеметнымъ огнемъ, какъ саранча, пройдутъ по Европѣ, потрясется весь міръ, погибнетъ то немногое, что мы называемъ ци-

вилизаціей и что копилось вѣками, а „идейные“ люди все еще будутъ тянуть свое:— перемелется, мука будетъ.

„Идейные“ люди... „Идейные“ ли они? Не въ ихъ ли разслабленной психикѣ надлежитъ искать источникъ соглашательскаго прекраснодушія? Мы, русскіе, страдаемъ болѣзнью воли. Мы не умѣемъ исполнять то, что рѣшили. Мы болѣе всего любимъ покой, свой собственный уютный покой,—какъ Иванъ Карамазовъ. Бороться съ большевиками значитъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. Бороться съ большевиками значитъ голодать, мерзнуть, умирать съ винтовкой въ рукахъ, видѣть, какъ на счетъ арміи наживаются спекулянты, быть оклеветаннымъ, гонимымъ, покинутымъ и, конечно, непонятымъ. Не лучше ли прекратить борьбу? Не лучше ли, прекративъ борьбу, „разочаровавшись“, начать дешевыя ламентаціи объ „ошибкахъ“, и „преступленіяхъ“ тѣх людей, которые за родину отдали свою жизнь. Не лучше ли эти дешевыя ламентаціи прикрыть возвышенной идеологіей всеобщаго братства—братства съ большевиками — или „научнымъ“ проникновеніемъ въ историческій ходъ событій:—перемелется, мука будетъ.

Попробуйте разорить у англичанина домъ. Онъ не задумается, будетъ стрѣлять. Попробуйте оскорбить француза. Онъ не задумается, будетъ стрѣлять. Попробуйте отнять у поляка отечество. Онъ не задумается, будетъ стрѣлять. А у насъ, русскихъ, домъ разоренъ, честь оскорблена, отечество отнято. Что мы дѣлаемъ? Одни стрѣляютъ, другіе, въ глубочайшемъ тылу, на Парижскихъ бульварахъ, произносятъ рѣчи о томъ, что „большевизмъ исчезнетъ тогда, когда большевики и кадеты поймутъ и полюбятъ другъ друга“. И иной кадетъ готовъ полюбить и понять. Готовъ ли полюбить его и понять большевикъ?

Ходитъ по Россіи лихой человѣкъ. Третій годъ уже ходитъ. Стонетъ Россія, изнемогаетъ русскій мужикъ, льются слезы неисчислимыя. А „идейные“ люди на мужицкой спинѣ „соглашаются“ съ лихимъ человѣкомъ: „ничего, потерпи мужиченко, вѣкъ терпѣлъ, потерпишь еще:— перемелется, мука будетъ“.

Колчакъ—Деникинъ.

Весь 1919 годъ прошелъ подъ знакомъ Колчака и Деникина. Юденичъ угрожалъ Петрограду, но быстро откатился назадъ, и доблестнѣйшей сѣверо-западной арміи не пришлось сыграть той политической роли, на которую она вправѣ была расчитывать. Но ей и не пришлось сыграть роли армій Колчака и въ особенности Деникина.

Два достойнѣйшихъ русскихъ человѣка, два русскихъ патріота, одушевленныхъ любовью къ родинѣ и готовыхъ положить за нее свою жизнь, въ теченіе болѣе, чѣмъ года пытались возсоздать Россію. Одинъ подошелъ почти до Самары, другой—до Орла. Одно мгновеніе казалось, что пошатнулось самодержавіе большевиковъ и что Россія наканунѣ воскресенья изъ мертвыхъ. Но это только казалось. Колчакъ—въ гробу, Деникинъ—политическій эмигрантъ. Гдѣ причины этихъ несчастій?

Не для того, чтобы критиковать,—критиковать легко и въ данномъ случаѣ непристойно;не для того, чтобы судить,—никто не въ правѣ судить; не для того, чтобы умалить жертвенный смыслъ тягчайшаго бремени,—его умалить нельзя, а для того, чтобы не повторять губительнѣйшихъ ошибокъ, мы вправѣ и мы обязаны дать себѣ ясный отчетъ, почему, дойдя до Самары, армія Колчака ушла въ Верхне-Удинскъ и почему, дойдя до Орла, армія Деникина замкнулась въ Крыму.

Причины этихъ несчастій многочисленны и многообразны. Перечислимъ главнѣйшія и наиболѣе пагубныя изъ нихъ.

Во-первыхъ, Россію нельзя возсоздать одними великорусскими и казачьими силами. Въ составъ бывшей Россійской Имперіи входили и поляки, и финны, и украинцы, и латыши, и эстонцы, и литовцы, и грузины, и многіе другіе народы. Заключили ли съ ними союзъ для совмѣстной борьбы противъ большевиковъ Колчакъ и Деникинъ? Нѣтъ. Деникинъ требовалъ возвращенія Холмщины, Кол-

чакъ не признавалъ независимости Финляндіи. Деникинъ воевалъ съ Грузіей и Украиной, Колчакъ не замѣчалъ эстонцев, латышей и литовцевъ. Болѣе 100 милліоновъ бывшихъ россійскихъ гражданъ не только не были привлечены къ совмѣстной борьбѣ, но были объявлены отчасти врагами, отчасти просто-на-просто „инородцами". Хуже того, Деникинъ поссорился съ Кубанью и почти поссорился съ Дономъ. Скажите, если бы когда Юденичъ былъ въ Гатчинѣ, Колчакъ согласился заключить союзъ съ финнами, развѣ Петроградъ не былъ бы взятъ? Скажите, если бы когда Доброармія была подъ Орломъ, Деникинъ заключилъ союзъ съ Польшей, развѣ Москва не была бы взята? Скажите, если бы не только поляки и финны, но и латыши, и эстонцы, и грузины, и украинцы видѣли въ Колчакѣ и Деникинѣ искреннихъ русскихъ друзей, желающихъ объединенія Россіи, непризнающихъ право каждаго опредѣлить свою собственную судьбу, — развѣ постигли бы насъ несчастья прошлаго года? Не была ли бы уже свергнута большевистская власть?

Во-вторыхъ, Россію нельзя возсоздать, не имѣя довѣрія крестьянъ. Россія—крестьяне, а не помѣщики, не чиновники, не интеллигенты. Почему же крестьяне встрѣчали Колчака и Деникина колѣнопреклоненно и съ пѣніемъ „Христосъ Воскресе", а провожали огнемъ? Отвѣтъ ясенъ. За войсками тянулись становые, исправники, губернаторы, генералъ-губернаторы. За генералъ-губернаторами тянулись контръ-развѣдки, мародеры, спекулянты, всякій алчный и жадный сбродъ. За сбродомъ тянулись помѣщики. Опять помѣщики... Пусть за третьей или даже за восьмой частью урожая, но снова они, всегда они... Понятно, что крестьяне, ненавидѣвшіе большевиковъ, возненавидѣли также и бѣлыхъ?

Въ чемъ была разница между краснымъ и бѣлымъ? Красный жегъ, разстрѣливалъ, грабилъ. Бѣлый жегъ, разстрѣливалъ, грабилъ. Красный говорилъ о „совѣтахъ", бѣлый говорилъ о „Единой и Недѣлимой". Разница была только въ словахъ. На дѣлѣ ея не было тоже. Итакъ, отвергнувъ всѣхъ, кто не великороссъ, Колчакъ и Деникинъ не сумѣли опереться и на крестьянъ. На что же опира-

лись они? На офицеровъ? На добровольцевъ? На ка-детовъ? На горсть вооруженныхъ людей, интеллигенціи и буржуазіи? Но вѣдь до очевидности несомнѣнно, что этою горстью нельзя и пытаться возстановить Россіи. Но вѣдь до очевидности несомнѣнно, что Россія можетъ быть возсоздана только соединенными усиліями русскаго крестьянскаго населенія и всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ бывшей Россійской Имперіи.

Въ-третьихъ, Россію нельзя возсоздать, не возсоздавая ея хозяйственно-экономическаго аппарата. Что въ этомъ направленіи сдѣлали Колчакъ и Деникинъ? Въ чемъ состояла ихъ экономическая политика? Въ запрещеніи вывоза? Въ невѣроятной, никогда не виданной, даже и при царѣ, спекуляціи? Что давала крестьянину Доброармія? Давала ли она ему желѣзо, обувь, мануфактурный товаръ? Опять-таки, въ чемъ была разница между краснымъ и бѣлымъ. Красный опустошалъ деревни и города и не несъ съ собою ничего, кромѣ „Комбѣда“. Бѣлый опустошалъ деревни и города и не несъ съ собой ничего, кромѣ прокламацій „Освага“. Снова разница только въ словахъ. Итакъ, возстановивъ противъ себя 100 милліоновъ антибольшевиковъ, не опираясь на крестьянское населеніе и не давая ни городу ни деревнѣ ничего, кромѣ словъ, Колчакъ и Деникинъ пытались возсоздать поверженную на землю Россію... И море крови за это пролилось.

Нѣтъ, не только за это. Море крови пролилось за честь Россіи, за ея достоинство, за ея жизнь. Каждый павшій въ бою офицеръ или добровольцъ смертью своей закрѣплялъ борьбу за родину, за Россію. Пусть неудачную, пусть ошибочную борьбу и все-таки борьбу не на животъ, а на смерть. Будемъ справедливы. Если бы не было Колчака и Деникина, если бы весь 1919 годъ прошелъ въ уныломъ подчиненіи большевикамъ, въ пассивномъ, смерти подобномъ, признаніи совѣтской власти, въ малодушномъ и недостойномъ безсильѣ, мы, русскіе, потеряли бы уваженіе къ себѣ, потеряли бы честь. И поэтому не только вѣчная память, но и слава погибшимъ въ бою. Они вспахали ниву борьбы. Она всколосится. Изъ горькихъ уроковъ прошлаго русскіе патріоты почерпнутъ не-

обходимый имъ опытъ, опытъ же вдохнетъ въ нихъ новыя силы для послѣдней и побѣдоносной борьбы.

Будемъ справедливы еще разъ. Въ трехъ главнѣйшихъ, по моему мнѣнію, причинахъ бѣдствій Колчака и Деникина не виновны ли также и тѣ, кто, какъ Пилатъ, умыли руки, отошли въ сторону, вмѣсто того, чтобы поддержать Доброармію и по возможности помочь въ исправленіи важнѣйшихъ ошибокъ, злорадствовали и хулили чужеземцамъ наше русское дѣло. Нѣтъ ли вины и тѣхъ, кто партію любитъ больше, чѣмъ родину, кто партійную программу ставитъ выше государственныхъ нуждъ, кто говоритъ и не дѣлаетъ, обѣщаетъ и не способенъ исполнить, кто, показавъ свою слабость, радуется чужой? Но не будемъ винить никого. Предадимъ забвенію всѣ разногласія и правые, и лѣвые, монархисты, республиканцы и соціалисты, объединенные передъ лицомъ единаго врага, того врага, который третій годъ позоритъ и губитъ насъ, позоритъ и губитъ Россію.

Чайковскій и Деникинъ.

Чайковскій — человѣкъ „третьей“ Россіи. При царѣ онъ былъ гонимъ, при большевикахъ гонимъ еще больше. Царская Россія съ ея великими князьями, дворомъ, гвардейскими генералами, помѣщиками, жандармами и Распутинымъ была ему ненавистна. Большевистская Россія съ ея „Совнаркомомъ“, чрезвычайками, комиссарами, „большевизантами“ и Брусиловымъ ненавистна ему еще больше. Вся его долголѣтняя жизнь была посвящена одной великой идеѣ — идеѣ свободной, крестьянской и казачьей Россіи. За эту идею царь держалъ его въ тюрьмѣ и въ Сибири. Не за эту ли же идею онъ былъ арестованъ въ Архангельскѣ гвардейскими офицерами, въ то время когда, какъ предсѣдатель Сѣвернаго Правительства, онъ боролся противъ большевиковъ?

Чайковскій — русскій. Вчерашній революціонеръ, онъ поддерживалъ русскихъ людей Колчака и Деникина, часто не соглашаясь съ ними, всегда сомнѣваясь въ душѣ, что они могутъ спасти Россію. Поддерживалъ потому, что преступно не поддерживать тѣхъ, кто борется противъ большевиковъ, какой бы дорогой они не шли и какъ бы ничтоженъ не былъ ихъ шансъ на успѣхъ. Чайковскій не отошелъ лицемѣрно въ сторону, не умылъ рукъ, какъ Пилатъ, не укрылся за броней „партійной программы", — онъ свою старую жизнь отдалъ на служеніе Россіи, какъ на служеніе Россіи онъ отдавалъ ее при царѣ. „Въ единеніи сила", „хоть съ чортомъ, лишь бы противъ германо-большевиковъ". Въ „единеніи" съ кѣмъ? — со всей небольшевистской Россіей. Съ „чортомъ" — съ Сазоновыми. Съ „чортомъ" — тѣми гвардейскими офицерами, которые арестовали его, ибо, по ихъ гвардейскому мнѣнію, онъ былъ слишкомъ близокъ къ народу. Семидесятилѣтній старикъ Чайковскій забылъ тюрьмы, Сибирь, оскорбленія и клевету и открыто и честно сталъ на сторону Колчака и Деникина. Былъ ли онъ понятъ? Былъ ли онъ оцѣненъ?

Слѣва его называли „Деникинцемъ", контръ-революціонеромъ. Называли не только большевики, но и всѣ, кого обидѣлъ Деникинъ. Справа?.. Справа его „ругали" соціалистомъ или смѣялись надъ его сѣдинами: „образумился, молъ, перегнулся къ намъ". И только люди „третьей" Россіи — какъ немного было ихъ еще въ прошломъ году! — люди, которые не хотятъ ни Ленина ни Николая II-го, знали точно, знали, не сомнѣваясь, что правъ не Керенскій и не генералъ Лукомскій, и что только старикъ Чайковскій провидитъ будущее, и что только старикъ Чайковскій знаетъ путь, которымъ должно идти.

Въ Парижѣ, — въ ссылкѣ, — Чайковскій полтора года назадъ намѣтилъ основные пункты народной программы, той программы, которую понимаетъ и принимаетъ каждый казакъ и каждый крестьянинъ, и которую не хотятъ понять и никогда не пожелаютъ принять старозавѣтные генералы:

Россія.
Земля народу.

Союзъ народовъ.
Учредительное собраніе.

Россія — ибо безъ Россіи для насъ, русскихъ, нѣтъ ничего. Безъ ея возсозданія, всѣ программы — клочки бумаги. Безъ ея величія всѣ реформы—насмѣшки. Безъ ея славы, всѣ партіи — ненужныя никому игрушки.

Земля народу — ибо не помѣщики должны быть хозяевами земли, а тѣ кто пашетъ ее: казаки и крестьяне. Помѣщики не обогатили Россіи, они обогатили себя. Казаки и крестьяне, обогащаясь, обогатятъ и Россію.

Союзъ народовъ — ибо оружіе должно быть направлено только противъ большевиковъ. Кто не большевикъ—тотъ союзникъ и другъ. Съ Эстоніей, Латвіей, Украиной, Грузіей, казачьими областями не ссориться надо, а сговориться, сговориться на равноправныхъ началахъ, на основѣ самоопредѣленія народовъ.

Учредительное Собраніе — ибо безъ выявленія свободной воли казаковъ и крестьянъ не построится Россійское Государство. Не заготовленныя заранѣе Правительства, изъ кого бы правительства эти ни состояли, а только русскій народъ сможетъ самъ опредѣлить судьбу свободной Россіи.

Еще въ прошломъ году Чайковскій, исходя изъ этой программы, совѣтовалъ ослѣпленному своими успѣхами Деникину:

1. Не только принять опредѣленно демократическую программу, но и демократизировать свое Правительство, ибо не помѣщикамъ и чиновникамъ и не кадетскимъ профессорамъ вести борьбу противъ большевиковъ и строить „третью“ Россію.

2. Заключить союзъ съ Польшей на разумныхъ и достойныхъ обоихъ народовъ началахъ для совмѣстной борьбы съ большевиками.

Чайковскій совѣтовалъ... Послѣдовалъ ли Деникинъ его совѣтамъ? На югѣ хозяйничалъ „Осваг“ и разбойничали „контръ-развѣдки“, въ „Особомъ Совѣщаніи“ министры такъ хитро составляли земельный законъ, что земля, отходя къ крестьянамъ, оставалась все-таки на половину въ помѣщичьихъ рукахъ, а на Кубани вѣшали членовъ

Рады... Что касается союза съ Польшей, то о немъ не могло быть и рѣчи: Деникинское Правительство говорило не о союзѣ съ Пилсудскимъ, а о томъ, нельзя ли отнять у Польши Холмскую губернію. Деникинъ дошелъ до Орла и вернулся къ Черному морю. Путь почти до Москвы и обратно усѣялся русскими трупами. Свобода не возродилась, Россія не возсоздалась. Къ тому было много причинъ. Главныя: нельзя спасать казаковъ и крестьянъ помѣщичьими руками, нельзя, воюя противъ большевиковъ, ссориться съ цѣлымъ міромъ.

Понялъ ли нынѣ Деникинъ, что Чайковскій былъ правъ? Понялъ ли нынѣ Деникинъ, что нѣтъ и не можетъ быть иной дороги къ спасенію Россіи, какъ искреннее единеніе всѣхъ небольшевистскихъ и антибольшевистскихъ силъ во имя родины и свободы? Понялъ ли нынѣ Деникинъ, что казачество и крестьянство возсоздадутъ Россію, а не дѣйствительные статскіе совѣтники, генералъ-губернаторы и царскіе министры? Или еще и теперь Деникинъ въ Лондонѣ и деникинцы повсемѣстно полагаютъ, что достаточно научиться произносить демократическія слова, чтобы русскій народъ повѣрилъ и не замѣтилъ разницы между Чайковскимъ и арестовывающимъ его гвардейцемъ? Довольно недомолвокъ и дипломатіи. Надо ясно сказать: кто хочетъ возрожденія старой Россіи, кто расчитываетъ на царскихъ слугъ, кто вѣритъ царскимъ министрамъ, кто пропитанъ духомъ гвардейской касты, тотъ не сможетъ побѣдить большевиковъ, ибо русскій народъ — казачество и крестьянство — будетъ не съ нимъ. Только сами казаки и крестьяне и только тѣ, кто тѣломъ и душой, по совѣсти, съ ними, смогутъ, побѣдивъ большевизмъ, возсоздать Россію — новую, „третью“, демократическую Россію. Кто не понялъ этого — горе тому.

Открытое письмо ген. Врангелю.

Господинъ Генералъ!

Ко мнѣ явились казаки-терцы изъ арміи ген. Бредова. Они мнѣ высказали то, что давно тревожило мою мысль, что тревожитъ мысль всѣхъ русскихъ людей, любящихъ родину и твердо вѣрующихъ въ ея возрожденіе.

Мы, русскіе патріоты безъ различія партій, монархисты, республиканцы и соціалисты—видимъ въ Васъ носителя русскаго національнаго флага. Мы желаемъ Вамъ и Вашей доблестной арміи полнаго успѣха въ святомъ дѣлѣ освобожденія родины отъ большевиковъ. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдимъ за Вашимъ продвиженіемъ впередъ, радуемся Вашимъ побѣдамъ и гордимся славою Вашего оружія. Каждый изъ насъ готовъ всемѣрно содѣйствовать Вамъ и положить свои силы на служеніе родной землѣ.

Мы вѣримъ, что Вы не пойдете по дорогѣ ген. Деникина. Мы вѣримъ, что Вы учли ошибки прошлаго и проникли въ глубокую сущность событій, происходящихъ нынѣ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Стараго не вернешь. Его и нельзя пытаться вернуть. Царя не возстановишь. Его и нельзя пытаться возстановить. Россія построится, какъ великая казачья и крестьянская демократія черезъ Учредительное Собраніе, или она не построится вовсе. Мы вѣримъ, что Вы пытаетесь возсоздать Россію не царскую, не помѣщичью, не чиновничью, а Россію „третью“, ту Россію, гдѣ всѣ будутъ равны передъ закономъ, гдѣ будетъ порядокъ, гдѣ каждый казакъ и каждый крестьянинъ будетъ имѣть свою землю, будетъ мирно трудиться на ней и мирно обогащаться, ту Россію, которая не будетъ ни тѣснить, ни насиловать никого — ни эстонца, ни латыша, ни украинца, ни еврея, ту Россію, которая утвердитъ свободу и миръ — миръ всему міру.

Окровавленные годы международной войны оставили тяжкій слѣдъ. Честный и доблестный ген. Деникинъ не

понялъ, однако, что такое свобода. Онъ воевалъ съ Грузіей и Украиной, онъ возстановилъ противъ себя и Польшу, и Финляндію, и Латвію, и Эстонію и, главное, онъ возстановилъ противъ себя **крестьянъ**, т. е. самое Россію. Колѣнопреклоненные съ пѣніемъ „Христосъ Воскресе" встрѣчали крестьяне его добровольцевъ, и онъ доходилъ до Орла — почти до воротъ Москвы. Какъ провожали его? За нимъ шли помѣщики, становые, исправники, губернаторы, генералъ-губернаторы, контръ-развѣдки, безчисленные тылы — за нимъ шло старое, истлѣвшее, неспособное возродить Россію. Не большевики одолѣли его, не въ бою проигралъ онъ свое святое дѣло, не самоотверженные бойцы виновны въ его пораженіи. Его одолѣли разстрѣлы и грабежи, въ его пораженіи виновны „Осваги" и тѣ несчастные люди, которые не уразумѣли до сихъ поръ, что красноармейцы—такіе же русскіе, какъ и добровольцы, что красноармейскій офицеръ—человѣкъ, вынужденный подчиняться большевистскому комиссару, но не идущій своей охотой, что красноармейскій солдатъ не вѣдаетъ, что творитъ и скованъ пулеметною дисциплиной. Ген. Деникина погубили тѣ безумцы, которые вмѣсто прощенія несли съ собою безпощадную месть, ибо на мести не выстроишь ничего.

Мы вѣримъ, я вѣрю и явившіеся ко мнѣ казаки вѣрятъ также, какъ и я, что Вы, Генералъ, увидѣли эти гнилыя язвы, что Вы уврачуете ихъ, что Вы поняли, что такое свобода, что Вы сумѣете заслужить любовь и довѣріе казаковъ и крестьянъ, что для Васъ Россія—не пространство на географической картѣ, а родная, изстрадавшаяся, замученная, поруганная и жаждущая освобожденія мать. Мы вѣримъ, что Ваша армія дастъ Россіи и землю, и волю, и миръ. Да укрѣпится эта наша горячая вѣра.

Борисъ Савинковъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Предисловіе	3
Б. В. Савинковъ (біографія)	5
Чего мы хотимъ	9
О борьбѣ съ большевиками	12
Возсозданіе Россіи	15
О людяхъ „Третьей“ Россіи	17
Земля — Народу	20
Russia fara da se	23
О „самоопредѣленіи народовъ	26
Россія и Польша	29
О „самостійности“ и „самостійникахъ	31
Вольное казачество	35
О русскихъ офицерахъ	37
Брусиловскіе патріоты	40
О „соглашателяхъ“	43
Колчакъ - Деникинъ	46
Чайковскій и Деникинъ	49
Открытое письмо ген. Врангелю	53